
ЛЮДИ
В СИНИХ
ШИНЕЛЯХ

П. МАРЧЕНКО, В. КУЦЫЙ

ЛЮДИ В СИНИХ ШИНЕЛЯХ

ПРИМОРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВЛАДИВОСТОК
1959

Герои книги «Люди в синих шинелях» — скромные труженики приморской милиции. Они не вымышлены и в очерках называются настоящими именами. Вымышлены лишь фамилии преступников, потому что некоторые из них исправились и живут трудовой жизнью.

Книга открывается рассказами капитана милиции Кряжева.

В его нелегкой работе заметен один принцип, который неизменно приносил ему успех. Это — вера в человека, или, как говорит сам Кряжев, борьба за человека.

В очерках «Неуловимый Мишаня», «Случай в ресторане», «В поисках... потерпевших» рассказывается о сложной, полной опасностей работе молодого лейтенанта милиции Виктора Рудя.

«Слово о рядовых» посвящено рядовым и сержантам приморской милиции. В небольших очерках рассказывается о том, как сержант Анатолий Бородин спас человека от неминуемой гибели, как сержант Самороков са-

моотверженно борется с нарушителями движения автотранспорта. Очерк «Энтузиасты» рассказывает об общественных инспекторах. А в очерке «Происшествий не было» как будто ничего и не случилось, но в нем говорится, как всю ночь напролет беспокойный человек в синей шинели мерзнет на улице, охраняя покой советских людей.

В книге 13 очерков. Читатель узнает об инспекторах детских комнат, которые борются за то, чтобы счастливо сложилась судьба каждого маленького гражданина; об общественных комиссиях и штабах по охране порядка, о рядовых советских гражданах, помогающих милиции, и о скромных тружениках милиции, стоящих на охране социалистической собственности.

Стой,
    береги своим караулом
        копейки,
            людей,
              дома
                  и покой, —

обращался к работникам милиции Владимир Маяковский в своем стихотворении «Стоящим на посту».

Стоящим самоотверженно на боевом посту и посвящена эта книжка.

РАССКАЗЫ КАПИТАНА МИЛИЦИИ

1. САМОЕ ГЛАВНОЕ

Во всех районных отделах милиции Владивостока хорошо знают высокого худощавого, всегда подтянутого и деловитого капитана Кряжева. Ходит он крупными, широкими шагами, лицо строгое, смугловатое. Зачесанные назад черные волосы, чуть подернутые сединой, открывают высокий лоб. Глаза спокойные и чуть насмешливые.

— Вы спрашиваете, что самое главное в нашей работе, — негромко говорит он. — Я и сам не раз думал над этим. Решишь: это самое главное; а потом подумаешь — нет, и то важно. Но если бы меня спросили, без чего нельзя работать в уголовном розыске, в милиции, я бы ответил: без веры в человека. Как воздух нужна оперативному работнику вера в человека, в его светлые стороны и лучшие качества. Помочь оступившемуся, увести его с преступного пути, бороться за него против него самого. Да, это трудно, но возможно.

Как-то привели к нам в отдел уголовного розыска семнадцатилетнего Володю. С первых же слов я понял, что Володя — не зако-

ренелый преступник. В развязности, с которой он держался, чувствовалась фальшь, наигранность.

Я решил отпустить Володю и попытаться вытащить его из болота, в котором он мог увязнуть. Побеседовав с ним, я сказал:

— Иди, думай, а через три дня приходи.

Эти три дня я использовал для того, чтобы узнать о парне побольше. Через соседей удалось выяснить, что в районе у Володи живет мать с четырьмя детьми. Сам Володя приехал, чтобы устроиться на работу. Но тут подвернулись «хорошие друзья», уговорили пойти на кражу. Ну, а дальше все ясно...

С нетерпением ожидал я Володю в назначенный день. Придет или не придет? Если придет — это уже победа. А нет — что ж, будем искать других путей.

Володя пришел. Правда, готовился он к суровому приему. Думал, что я его буду допрашивать, разоблачать, а ему придется отпираться, лгать, изворачиваться. Но получилось иначе: завязалась беседа о семье, о его младшем братишке, которого Володя очень любил. Такой разговор не мог не пробудить все лучшее, что было в душе Володи. И уже через час он с подкупающей искренностью рассказывал о своих «делах» и «делах» друзей, делился самыми сокровенными мыслями.

Оказалось, что парень очень хотел работать, помогать семье. Нужно было поддержать его в этом. Как всегда, на помощь пришли граждане, комсомол. Сосед Володи, столяр Иван Петрович, влюбленный в свою профессию, поговорил с парнишкой, посоветовал

ему поступить на завод. С помощью Первореченского райкома комсомола Володя был устроен на работу. Уже через год он работал по четвертому разряду. Часть каждой получки Володя посылает матери.

Или взять шестнадцатилетнего Гену. Испытав в жизни много трудностей, он сошелся с преступниками, бросил работу. Долго я беседовал с ним. Наконец он понял, что дальше так жить нельзя. Я обратился в горком комсомола с просьбой помочь Гене, и через три дня он вместе с комсомольцами уехал в Хорольский район поднимать целинные земли.

На этом наша связь не прекратилась. Я написал письма секретарям партийной и комсомольской организаций колхоза с просьбой помочь Гене начать новую жизнь. Полные благодарности письма от Гены, ставшего полноценным членом нашего общества, были для меня большой наградой за годы работы в уголовном розыске. Много раз я давал их читать тем, кто становился на преступный путь, и почти всегда они оказывали нужное действие.

А ведь если разобраться, то станет понятным, что таких, как Володя или Гена, немало среди тех, кого зачастую считают неисправимыми. Таких людей ни в коем случае нельзя отталкивать неоправданно суровым отношением к ним, нельзя ожидать, пока они погрязнут в трясине преступной жизни. Ведь живут-то эти люди в нашем, советском обществе и не могут не испытывать его благотворного влияния. Мы должны исходить из того, что в душе у каждого советского парня или девуш-

ки, даже если он и встал на скользкий путь, есть что-то хорошее. А наш долг — открыть это хорошее, использовать его для исправления молодого человека.

Но если так, спросите вы, почему же все-таки появляются закоренелые преступники? А потому, что молодого человека вовремя не схватили за руку, не сказали ему: «Стой! Довольно жить паразитом! Смотри, какая жизнь бурлит вокруг тебя. Почему же ты стоишь в стороне?» Поступай мы так всегда — и не только милиция, а общественность, комсомол, — удалось бы спасти от тюрьмы многих из тех, которые в конце концов попадают туда. Ведь болезнь гораздо легче предупредить, чем потом лечить.

Не всегда мы помним об этом, и в результате приходится работать над раскрытием преступлений, вести борьбу с уже сложившимися преступниками. А такая борьба исключительно трудна. Многие ее эпизоды останутся у меня в памяти на всю жизнь. Один из них можно было бы назвать так:

2. КОГДА НЕТ СЛЕДОВ

Из подъезда большого дома вышел молодой человек с чемоданом в руке. Во дворе он поставил чемодан на землю, неторопливо закурил, огляделся. Было около 11 часов утра. Убедившись, что во дворе никого нет, молодой человек снова взял чемодан и, выйдя на улицу, смешался с прохожими. Вряд ли кто-нибудь мог заподозрить, что в чемодане были краденые вещи.

Когда мы прибыли на место происшествия, нам нетрудно было убедиться, что эта кража как две капли воды похожа на любую из тех, которые вот уже полтора месяца совершаются на территории Фрунзенского района Владивостока.

Все здесь говорило о высокой «квалификации» преступника. Действовал он необычайно просто. Убедившись в отсутствии хозяев, он быстро отжимал дверь или взламывал замок и проходил в квартиру. Дальнейшие его действия тоже свидетельствовали о большом опыте и хладнокровии. Он не хватал все, что попадалось под руку, не свертывал похищенные вещи в громоздкие узлы, не скрывался поспешным бегством.

Вор «работал» исключительно спокойно. Отобрав наиболее ценные вещи, он укладывал их в чемодан хозяина квартиры и уходил, уничтожив предварительно все следы, которые могли бы помочь нам установить его личность.

Над этими кражами мы работали уже давно, а результатов все не было. Однажды даже решили, что преступник в наших руках: мы увидели валявшийся топор, которым он взламывал шкаф. Бросились к топору, стали рассматривать его, но отпечатков пальцев на нем не оказалось. Никаких других следов не было. Соседи тоже не могли сказать ничего определенного.

Становилось стыдно, что нас, работников уголовного розыска, людей, облеченных большим доверием народа, так ловко обводит вокруг пальца преступник. Кроме того, ведь

у нас есть своя милицейская гордость. «Найти, найти во что бы то ни стало», — эта мысль преследовала каждого днем и ночью, не давала покоя. Мы сопоставляли факты, сравнивали детали, совещались и думали, думали...

Если преступник не оставлял следов, так сказать, вещественных, то отдельные детали, основываясь на которых можно было вести розыск, все-таки существовали. Во-первых, все кражи совершались днем. Во-вторых, в квартиры вор проникал всегда через двери, что тоже очень характерно. И, в-третьих, во всех случаях отбирались только самые ценные вещи, которые уносились в чемодане хозяина квартиры. Все это подтверждало наши предположения, что кражи совершает один и тот же человек.

Гораздо сложнее было установить, кто он. Мы просмотрели все уголовные дела о квартирных кражах за последние годы, сопоставили методы преступников, составили список тех, кто раньше действовал подобно разыскиваемому вору.

В ходе расследования из списка вычеркивалась то одна, то другая фамилия: тот находится в заключении, этот ушел с преступного пути и живет честным трудом. Некоторые проживали в других районах страны и никуда не выезжали. Какая это была трудоемкая и сложная работа — нелегко описать. Но в конце концов цель была достигнута: в списке осталась только одна фамилия — Кузовцов. Это был опытный квартирный вор. Несмотря на свою молодость, он уже шесть раз судился

за кражи, многие из которых по способу совершения совпадали с описанными.

Где же искать преступника? В списках адресного стола он не значился. Да оно и понятно: в городе Кузовцов мог проживать только нелегально. Подтверждение, что он находится в городе, мы вскоре получили. Один из бригадмильцев как-то встретил его на улице в обществе некоего Юнзы, скрывавшегося от ответственности за тяжкое уголовное преступление. К несчастью, поблизости не оказалось работников милиции. Пока бригадмилец искал милиционера, преступники скрылись.

Получив такое сообщение, мы немедленно взяли под наблюдение все места возможного появления Кузовцова и Юнзы и одновременно стали искать квартиру, где они жили.

Все кражи были совершены в непосредственной близости к вокзалу. Возникло предположение, что такое совпадение не случайно. По всей вероятности, решили мы, вор сразу же после кражи выезжает пригородным поездом или автобусом в дачный район. Основываясь на этом, мы и начали поиски.

Следы привели на Вторую Речку к квартире некой Саниной. Там и был задержан Кузовцов. А на другой день на квартире своего старшего брата был задержан Юнза.

Теперь перед нами стала задача: найти вещи, которые Кузовцов похитил и еще не успел продать. Сам преступник полностью отрицал свою вину. Санина, у которой он жил, также утверждала, что о кражах ничего не знает. Но мы были убеждены, что она лжет.

Чтобы доказать это, мы не арестовали

Санину, а установили за ней наблюдение. И вскоре она была задержана в тот момент, когда выходила из квартиры своего бывшего мужа с сумкой, в которой оказалось несколько платьев из двух ограбленных квартир. Под давлением улик Кузовцов сознался в своей преступной деятельности и указал место, где хранилась большая часть похищенных вещей. Оказалось, что вместе с ним в некоторых кражах принимал участие и Юнза.

Так был раскрыт ряд преступлений. Но на этом не окончилась наша работа. Чтобы возвратить похищенное владельцам, мы разыскивали тех, кому Кузовцов и Юнза продавали украденные вещи. И здесь нам пришлось столкнуться с интересным фактом. Некоторые из вещей у воров купила гражданка Н. Она не могла не подозревать, что купленные ею по дешевке вещи — краденые. И все-таки это не остановило Н.

И вот, расплачиваясь у себя на квартире с преступниками, Н. на мгновение отвернулась. Улучив момент, Кузовцов схватил лежавшие на столе золотые часы и сунул в карман. С платой за проданные вещи и часами в кармане Кузовцов и Юнза ушли от Н. А сама Н., забывшая долг советского человека, получила напоминание о том, что и она не гарантирована от посягательств преступников.

3. ОБЫЧНОЕ ДЕЛО

— Почему-то принято считать, — сказал Кряжев, — что трудны для раскрытия только сложные, запутанные преступления. Конечно,

раскрыть убийство или ограбление кассы нелегко. Но, во-первых, убийство — вещь довольно редкая, да и сейфы у нас ломают не так уж часто: мы ведь не в Америке живем. А, во-вторых, на месте таких преступлений обязательно остаются то следы ног, то отпечатки пальцев, то еще что-нибудь, что дает в руки оперработников прочную нить для розыска.

Неизмеримо труднее бывает раскрыть карманную кражу или уличное ограбление, после которых никаких «видимых» следов обычно не остается. Вытащил, скажем, карманник в трамвае у кого-нибудь деньги, сошел на остановке — и был таков. Или раздели кого-нибудь ночью. Кто раздел? Неизвестно.

А ведь именно в раскрытии таких вот «обычных» преступлений и состоит наша работа. Эта борьба, надо сказать, идет успешно. Какими же методами приходится работать, спросите вы? Методов много — столько же, сколько преступлений. Важно другое: все методы — наши, советские, рассчитанные на помощь и поддержку населения. Ходить за примерами далеко не надо.

Дело было так. В один из весенних вечеров на улице Китайской раздались два негромких выстрела. Прибывший вскоре на место происшествия оперуполномоченный установил, что какие-то парни избили гражданина Серегина. Причем один из них дважды выстрелил из пистолета. Немного раньше здесь же был ограблен гражданин Хасекин. У него с руки сорвали часы и ударили рукояткой пистолета по голове.

Этим делом пришлось заниматься мне и следователю Горченку. Не являясь само по себе «крупным», оно представляло значительную трудность для раскрытия. Потерпевшие не опознали никого из задержанных в районе преступления. Никаких следов грабители не оставили. Была лишь тоненькая «ниточка»: Серегин в момент нападения услышал, как кто-то произнес имя «Сема».

Казалось бы, что тут особенного? Однако мы знали: под кличкой «Сема» был в свое время известен уже судимый за уголовные преступления Боданов. Может быть, он и избивал Серегина, ограбил Хасекина? Но тут нас ждала неудача.

Обыск, произведенный на квартире Боданова, ничего не дал. Потерпевшие не опознали его. И вдобавок ко всему этому Боданов доказал, что во время грабежа он находился дома.

Ниточка казалась оборванной. Для того чтобы окончательно убедиться в том, что нужно искать другие пути, мы стали проверять связи Боданова. И тут нам лишний раз пришлось убедиться, как важно не останавливаться на полпути, проверять до конца все версии, чтобы, отбросив все ненужное, случайное, найти единственно правильное решение.

В проверке связей Боданова мы прибегли к испытанному способу — опросу его соседей. Советским людям свойственно чувство ненависти к преступникам, и они всегда принимают посильное участие в раскрытии преступлений.

От соседей мы узнали имена многих приятелей и знакомых Боданова. Из них особого внимания заслуживал некий Кукин. Это был матерый преступник, неоднократно судимый. Мы выяснили, что в этот день Кукин принимал участие в драке, причем стрелял из пистолета. Следовательно, у него было оружие.

И вот — обыск. Кукин ведет себя спокойно, даже слишком спокойно. Он сидит на стуле посреди комнаты и изредка улыбается. С этим он, конечно, переборщил. Виновен или не виновен, а улыбаться не к чему. Только разве, чтобы продемонстрировать уверенность: напрасно, мол, ищете.

Обыск подходит к концу, а оружия все нет. Но мы чувствуем, что оно непременно должно быть. И, наконец, из печки извлечен спортивный пистолет. Кукин понимает, что игра проиграна. Он подымает руки вверх и произносит: «Сдаюсь. Разрешите собрать вещи?» Это мы ему охотно разрешаем.

На допросе Кукин сознался в избиении и стрельбе, но соучастников не назвал, ничего не сказал о часах, сорванных с руки Хасекина. Однако теперь у нас в руках была ниточка, с помощью которой можно было размотать весь клубок.

Не буду описывать всю работу, которую нам пришлось проделать. Отняла она у нас немало времени и сил. Но жаловаться тут не приходится. Такая уж у нас профессия.

И вот след привел нас на квартиру к знакомому Кукина — Аратюку. Там, в кармане старого дамского пальто, и были обнаружены похищенные у Хасекина часы.

Аратюк молчал. Будучи опознанным потерпевшим, он не назвал сообщников и даже не пытался объяснить, каким образом часы попали к нему. И удивительней всего было то, что родные Аратюка в один голос заявили, что никаких часов домой он не приносил. Как же все-таки они оказались в квартире?

Мы обратили внимание на следующий факт. После грабежа в квартире Аратюка ночевал некий Пестов. Там мы и застали его, когда пришли с обыском. Больше Аратюк никого к себе домой не приводил. Сама собой напрашивалась мысль, что именно Пестов принес часы. Тем более, что он и раньше не раз задерживался органами милиции, нигде не работал и, по нашим сведениям, был тесно связан с уголовным элементом.

Но потерпевшие не опознали Пестова, а два вызванных по его заявлению свидетеля подтвердили факт его присутствия в это время в другом месте.

Что оставалось делать? Отпустить Пестова с миром? Но интуиция подсказывала другое. А иногда не худо довериться ей: ведь интуиция оперативника — не что иное, как чувство, основанное на едва заметной фальши в голосе допрашиваемого, на едва уловимых оттенках в его поведении и многих других деталях, не поддающихся определению, но заставляющих сомневаться в самых правдивых на первый взгляд показаниях.

И мы не поверили ни Пестову, ни его свидетелям, ни, как ни странным это покажется, самим потерпевшим.

В беседе с нами мать и брат Аратюка рассказали, что Пестов вовлек Аратюка в какие-то темные дела. Однажды, например, он передал Аратюку денежный аккредитив на пятнадцать тысяч рублей. Этот аккредитив мать сожгла. Аратюк сознался, что действительно принял от Пестова аккредитив, который, как заявил тот, был им взят у женщины, покончившей самоубийством.

Мы выяснили, что в день, указанный Пестовым, действительно произошло самоубийство на почве помешательства. Но между ним и аккредитивом не было никакой связи. Пестов обманул сообщника, чтобы тот не боялся спрятать аккредитив у себя.

Связавшись со сберегательными кассами, мы узнали, что в одну из них поступило заявление от женщины о краже у нее аккредитива на пятнадцать тысяч рублей. Этот-то аккредитив и был похищен Пестовым, а затем принесен к Аратюку.

Когда дело с аккредитивом стало ясным, заговорил Аратюк. Он рассказал, что Пестов руководил ограблением и принес на квартиру часы.

Повторным допросом потерпевших и свидетелей удалось установить, что одних Пестов запугал, а других уговорил дать ложные показания о встрече с ним в тот самый час, когда в действительности он грабил человека. Так вот и пришли мы от «Семы» — Боданова к Кукину, затем к Аратюку и, наконец, к руководителю преступной группы Пестову. И самое «обычное» дело оказалось не таким уж простым.

4. КЛЮЧ К РАЗГАДКЕ

— Вы спрашиваете, бывают ли загадочные преступления? — Кряжев помолчал, раздумывая. — На этот вопрос можно ответить так: любое, еще не раскрытое преступление представляет загадку. Только загадки, конечно, разные — одна попроще, другая похитрее. Я как-то видел такую картинку: нарисованы деревья, а внизу вопрос: «Где охотник и где зайцы?» Тут, видите ли, только один вопрос — где? А в нашем деле приходится отвечать не на один, а на много вопросов. К картинке достаточно внимательно присмотреться, и сразу обнаружишь охотника, который повис на ветвях вниз головой, и двух-трех замаскировавшихся зайцев. Дело несложное.

Но когда ты, не имея никаких достоверных сведений, кроме списка похищенных вещей, в котором тоже возможны неточности, должен непременно выяснить, как и когда совершено преступление, чтобы в дальнейшем ответить на вопрос, кто его совершил, где находится преступник и где он прячет похищенное, а потом вдобавок разыскать вора и вернуть украденное потерпевшему, — тут, согласитесь, не одна, а множество загадок. И каждая из них потруднее, чем найти охотника.

И все-таки должен заявить: любое преступление раскрывается, как бы хитро преступник ни запутывал свои следы.

Понимают ли это преступники? Многие — да. И поэтому не удивительно, что свой

страх перед предстоящей расплатой они глушат беспробудным пьянством. Пьянство ведет к преступлениям, преступление — к пьянству. Такая уж тут зависимость. Кому сладко жить с неотвязной мыслью, что рано или поздно он будет разоблачен? И, совершив кражу, вор по дешевке распродает похищенное, чтобы поскорее хоть на время забыть, что о преступлении уже известно, что преступника ищут и, возможно, через минуту найдут. А некоторые стараются водкой заглушить голос своей совести.

Но вернемся к «загадочным» преступлениям. Я расскажу об одном, чтобы показать, как просто подчас объясняются самые странные на первый взгляд обстоятельства.

Как-то нам сообщили, что в квартире одного из домов, расположенной на первом этаже, раскрыто окно, хотя хозяйки квартиры дома нет и дверь заперта. Тут, конечно, еще ничто не говорит о преступлении, но проверить все-таки надо. Поехали, посмотрели, вызвали с работы хозяйку квартиры Щеглакову. И на самом деле оказалось, что украдены деньги и лежавшие на столе наручные часы.

Вначале мы предположили, что преступник проник в комнату через окно. Взяв деньги и часы, он скрылся тем же путем. Все казалось просто. Но тщательный осмотр места происшествия заставил отказаться от этой версии. Хотя занавеска на окне была порвана, но на подоконнике отсутствовали какие-либо следы. А они обязательно должны были остаться, если вор действительно

проник в комнату описанным способом. Вдобавок Щеглакова утверждала, что перед уходом на работу она закрывала окно изнутри.

Заперев окно, мы вышли во двор и попытались его открыть. Это оказалось невозможным. Необходимо было предварительно разбить окно или взломать раму. А ведь они целы!

Налицо симуляция кражи через окно. Но кому это понадобилось? Преступнику? Он и так не оставил никаких следов. Для чего же он, вместо того чтобы побыстрее скрыться после кражи, раскрыл окно? Ведь не будь этого раскрытого окна, никто до возвращения Щеглаковой с работы не догадался бы, что квартира обворована, и преступник выиграл бы во времени. Может быть, сама хозяйка симулировала кражу? Но зачем?

Напасть на след помогла неожиданная находка. В цветочном горшке, стоявшем неподалеку от окна, мы обнаружили ключ, подошедший к замку, которым запиралась дверь.

Ключ показали Щеглаковой. И тут она рассказала, что именно этот ключ никак не могла найти, когда утром вместе с Лидой выходила из дома...

С Лидой?.. Да, с Лидой Фединой. Раньше они вместе жили в Тетюхе. А вот теперь Лида приехала на день во Владивосток и переночевала у нее, Щеглаковой. Утром они вместе вышли из квартиры, и Щеглакова заперла дверь запасным ключом. После этого распрощались; Щеглакова пошла на ра-

боту, а Лида — на морской вокзал, чтобы пароходом вернуться в Тетюхе.

— Я думала, что потеряла ключ, — говорила Щеглакова, — а он вот, в цветке был... И как он туда попал?

Найденный ключ оказался «ключом к разгадке». Теперь мы могли выдвинуть новую, более вероятную версию. Дело, очевидно, было так. Украв у Щеглаковой один из двух имевшихся у нее ключей, Федина вместе с ней вышла на улицу. Но потом она направилась не на морской вокзал, как сказала об этом подруге, а вернулась, открыла дверь, вошла в квартиру, взяла часы и деньги и ушла.

Понимая, что подозрение в первую очередь падет на нее, Федина решила навести работников милиции на ложный след. Она открыла окно, разорвала занавеску и вышла во двор. Обойдя дом с другой стороны, Федина бросила в раскрытое окно ключ, который упал в цветочный горшок.

Фединой казалось, что теперь она полностью обезопасила себя. «Ключ — в комнате, — рассуждала она, — окно раскрыто, занавеска на нем порвана. Теперь будут искать того, кто мог проникнуть в комнату только через окно».

Перебрав все возможные варианты кражи, мы остановились на этом. Когда мы сказали Щеглаковой о том, что кражу совершила ее подруга, она отказалась верить в это и даже пыталась разубедить нас. Но ведь факты — упрямая вещь.

Узнав расписание движения судов, мы,

не теряя времени, отправились на вокзал. Пароход на Тетюхе еще не ушел, и Федина была задержана при посадке. Украденные часы и деньги оказались при ней. На допросе Фединой картина кражи, нарисованная нами, полностью подтвердилась.

Вот так просто раскрываются порой «загадочные» преступления. Для этого требуется лишь быть внимательным и никогда не доверять первому впечатлению, помнить, что маловажных деталей в нашей работе нет.

Кряжев хотел еще о чем-то рассказать, но в это время раздался телефонный звонок. Капитан поднял трубку:

— Кряжев у телефона. Слушаю вас, товарищ полковник. На Голубинке? Ясно. Сейчас выхожу.

Он поднялся. С лица его сошло выражение задумчивости. Оно было строгим, решительным, спокойным и сосредоточенным.

— Грабеж, — коротко сказал он. — Нужно ехать. Чувствую, предстоит «веселая» ночка.

Через две-три минуты от подъезда управления в темноту ночи рванулась дежурная машина, увозя бойцов незримого фронта навстречу новым схваткам с какими-то еще неизвестными врагами.

ДЕЛО ЖИЗНИ

В ленинской комнате любого из отделов милиции края можно увидеть небольшой плакат. На нем портрет черноволосого паренька со значком отличника на милицейском мундире. Внизу под текстом крупными буквами: «Товарищ оперативный работник! Неси службу так, как лейтенант милиции В. Г. Рудь!» Чем заслужил этот молодой лейтенант такую высокую честь?

В городе Спасске, что находится в плодородной Приханкайской долине, прошли юношеские годы Виктора Рудя. Среди своих сверстников Виктор ничем особенным не выделялся. Учился в школе, ходил на рыбалку, увлекался футболом, коньками, шахматами. Был членом школьного комсомольского бюро. В дни летних каникул работал на молокозаводе, ездил косить сено, объезжал колхозных лошадей. Незаметно подкралось время, когда перед ним, как и перед каждым школьником, встал вопрос: кем быть?

Юность — пора надежд и мечтаний. Когда

в руках у тебя только что полученный аттестат зрелости, а в груди, под комсомольским значком, бьется горячее сердце, кажется, нет недоступных высот, непроходимых троп. Хочется все видеть, знать, уметь, встречаться с трудностями и побеждать их. Перед тобой открыты сотни дорог. Одна ведет в гулкие цеха завода, другая — в синие океанские дали, третья — в шумные аудитории института. Главное не ошибиться, найти себя, выбрать профессию, в которой ты сможешь раскрыть все свои лучшие качества, которая станет для тебя делом жизни.

Собственно вопрос о своем будущем Виктор считал решенным. Он готовился к экзаменам в юридический институт. Но тут все повернулось по-иному.

Однажды Виктора вызвали в райком комсомола.

— Слушай, Рудь,—сказал ему секретарь,— мы направляем на учебу в школу милиции двух комсомольцев. Требуются крепкие, энергичные, надежные ребята. Думаем послать тебя. Тем более, что ты хочешь стать юристом. Представляешь, какое важное и ответственное дело — борьба с преступниками. Решай. Ответ можешь дать завтра.

Предложение было неожиданным. О многих профессиях думал Виктор, но работа в милиции ему и в голову не приходила. Долго бродил он по улицам, а вечером состоялся семейный совет.

— Ну, что ж, — сказал отец, — тебе жить, за тобой и последнее слово. Работа нужная, почетная. Только была бы по душе.

Виктор Рудь стал курсантом Хабаровской школы милиции. Позднее он понял, что не ошибся.

Виктор с увлечением овладевал основами криминалистики, изучал уголовное и гражданское право, постигал искусство меткой стрельбы и самозащиты без оружия. Еще будучи курсантом, Рудь заслужил первое поощрение — благодарность начальника Управления внутренних дел Приморского края.

Произошло это так.

Виктор находился на практике в бывшем 2-м отделении милиции Владивостока. Как-то сотрудники отделения и курсанты были поставлены в известность о бежавшем из места заключения опасном преступнике Шаланове. В тот день Виктор со своим напарником курсантом Сергеевым нес службу на Суйфунском рынке. Вдруг они увидели человека, лицо которого показалось им знакомым. Курсанты переглянулись. Отойдя в сторону, они мельком взглянули на фотографию. Ошибки быть не могло. Подозвав находившегося поблизости милиционера, Рудь и Сергеев задержали преступника и доставили его в отделение.

1. ПЕРВЫЕ ШАГИ

Окончена школа. Виктор получил назначение в то самое отделение милиции, в котором проходил практику.

Штат уголовного розыска в отделении был в то время неполным. К тому же, когда

прибыл Виктор, начальник уголовного розыска ушел в отпуск. На плечи молодого оперативника лег тяжелый груз. Работать приходилось «в три смены», без выходных. Когда удавалось вырвать несколько часов для отдыха, ноги гудели от беготни по городу, а мозг продолжал напряженную работу по распутыванию преступления. Пробуждение всегда приходило с мыслью: что нового принесет день?

Это была суровая проверка. Она могла отбросить Виктора в число тех, о ком обычно говорят «ни рыба ни мясо», но могла и закалить, подготовить к будущим схваткам с преступниками всех мастей. И Виктор, по-настоящему загоревшись работой, вышел из этого испытания победителем, обогащенным практическим опытом. Никогда не забудет он свое первое самостоятельное дело.

В садике, где расположен цирк, избили моряка Р. С него сняли часы, макинтош, туфли. Кто избил и ограбил — сам Р. не мог сказать. Свидетелей тоже не было. Перед Виктором стояла сложная задача. Он должен раскрыть уличный грабеж, не отличавшийся чем-либо характерным от «почерка» того или иного ранее уже судившегося грабителя. Да и данных не было абсолютно никаких.

Рудь прибег к единственно правильному в этом случае варианту. Вместе с потерпевшим он вышел в город. Расчет был прост. Если удастся встретить кого-нибудь из грабителей, моряк, возможно, опознает его. Долго ходили они по улицам, заглядывая в

пивные, рестораны, магазины. Вдруг моряк, указывая на какого-то человека, воскликнул: «На нем мой макинтош!»

Задержанный Ламин был некогда хорошим баянистом, но спился, связался с преступниками. Вот это-то и заставило Виктора усомниться в правдивости его слов, когда он стал утверждать, что купил макинтош на рынке. На допросе Виктор детально расспрашивал Ламина о каждом его шаге в день грабежа, подмечал каждое несоответствие в его рассказе. Наконец Ламин совершенно запутался.

— Ладно, слушай, — сказал он Виктору, — я знаю, кто моряка ограбил. Скажу, если отпустишь меня.

— Нет уж, — возразил Рудь. — Условий ты мне не ставь. Рассказывай, что знаешь.

Тогда Ламин заявил, что преступление совершили некие Васька Сеткин, Кулибаба и еще один, которого он не знает.

Через день задержали Сеткина.

— Я ограбил?! — возмутился он на допросе. — Ламин говорил? Пусть он мне в глаза скажет!

Привели Ламина.

— Ты что ж? — спросил у него Сеткин. — Чего на меня валишь? Сам грабил, а я за тебя садиться должен! Ламина это работа, — обратился он к Виктору, — Ламина, Будки и Зойки Гончар. Сами мне вчера говорили, когда водку в магазине брали. Пусть они и отвечают, а я здесь ни при чем.

Положение прояснилось. Теперь надо было найти соучастников Ламина. Виктор уже

имел сведения, что Будка — Николай Андроненко, матерый и опытный преступник, — ворует в поездах. Поэтому оперуполномоченный и решил искать его в районе вокзала.

...Ночью в столовой для железнодорожников сидели три человека. На столе стояла бутылка с водкой, стаканы. Сидевшие о чем-то тихо беседовали. Вдруг распахнулась дверь, и в столовую, окутанный клубами морозного воздуха, вошел Виктор.

— Здорово, Будка, — обратился он к одному из сидевших, широкоплечему парню с одутловатым лицом.

— Здорово, — угрюмо ответил тот.

— Выйдем-ка на улицу. Разговор есть.

Парень окинул Виктора подозрительным взглядом.

— Чего там выходить. Говори здесь.

— Место неподходящее, — ответил Виктор.

— А мне оно нравится. Никуда не пойду, — упорствовал парень.

Виктор вплотную приблизился к нему.

— Брось дурака валять, идем!

Андроненко нехотя поднялся из-за стола и направился к двери. Пропустив его, Виктор пошел следом. За дверью их ожидал милиционер Сковородников. Еще не успел Андроненко сообразить, в чем дело, как услышал негромкий спокойный голос Виктора:

— Пойдешь с нами. Побежишь — стреляю.

Так был задержан второй опасный преступник. Гончар задержать оказалось нетрудно: постоянная посетительница пивных и ресторанов, она вскоре была разыскана Виктором.

2. «НЕУЛОВИМЫЙ» МИШАНЯ

Способности молодого работника были вскоре замечены руководством. Его перевели в отдел уголовного розыска краевого управления. Напутствовал Виктора старейший чекист, комиссар милиции Виктор Федорович Скоробогатов.

— В нашей работе, — говорил он, — нужен трезвый расчет и расчетливый риск. Упорство нужно и терпение. Пусть иногда не доспишь, устанешь, но дело доводи до конца.

Приветливо встретили Виктора работники отдела. Каждый старался помочь, подбодрить, вселить в него уверенность в своих силах. Виктор понимал, что теперь к нему будут подходить с другой меркой, предъявлять другие, более высокие требования. Теперь товарищ с периферии будет иметь право спросить у него: «Что я могу перенять, чему научиться у тебя, работник руководящего аппарата?» И поэтому Виктор постоянно старался перенимать опыт лучших, старейших сотрудников уголовного розыска, глубоко изучал методы и приемы оперативной работы. Не раз вспоминал он слова комиссара об упорстве и настойчивости, без которых не добьешься успеха. Именно они помогли ему задержать ловкого и хитрого преступника Анатолия Рожко по кличке «Мишаня».

Мишаня считал себя неуловимым. Профессиональный карманный вор, он превосходно знал в лицо всех работников милиции и умел всегда вовремя уйти от них. В то же время он не скрывал, что ворует.

— А ты поймай меня на деле, — заявлял он, — пока не поймаешь — «лапша»!

«Лапша» — это было его любимое словечко. Означало оно приблизительно «пустой разговор».

Летним вечером Виктор Рудь вместе с двумя сотрудниками находился около танцевальной площадки Дома офицеров флота. К ним подошел Мишаня. По привычке он стал хвастать своей неуловимостью.

— Болтун ты, Мишаня. Все равно поймаем тебя, проговорил один из работников и, указывая на Виктора, добавил: — Вот он поймает.

— Он?! — с презрением ухмыльнулся Мишаня. — Этот зелен еще. Лапша!

«Неужто в самом деле невозможно поймать этого наглеца? Неужто он и дальше будет безнаказанно лазить по карманам?» — думал Рудь.

С этого дня Виктор потерял покой. К обычным заботам прибавилась еще одна: во что бы то ни стало поймать Мишаню с поличным. А задача была не из легких. Воровал Мишаня в трамваях, умело выбирал жертву и исчезал еще до того, как обворованный замечал пропажу.

Не один вечер провел Виктор на трамвайных остановках. И вот...

Виктор шел вдоль линии. Его обогнал трамвай, с подножки которого соскочил Мишаня. Сделал он это на ходу, хотя до остановки было недалеко. «Надо задержать, — подумал Рудь. — На остановке сойдет и потерпевший».

— Мишаня, — крикнул он. Тот обернулся и — оторопел. Пробормотав что-то невнятное, он хотел было пройти мимо.

— Не спеши, — остановил его Виктор. — Иди сюда, потолкуем.

Делать нечего, Мишаня подошел к Рудю. При этом Виктор заметил, что в руке у него что-то зажато. Он стал расспрашивать о том, о сем, умышленно затягивая беседу и не спуская глаз с Мишаниной руки. Тот явно чувствовал, что позвал его Рудь неспроста. Он все порывался уйти, но оперуполномоченный каждый раз останавливал его. А в это время от остановки трамвая к ним спешили мужчина и женщина.

— Он у нас деньги украл! — закричали они, указывая на Мишаню.

Мишаня хотел было что-то возразить, но Виктор разжал его кулак — там были деньги.

Еще один поединок окончился в пользу молодого оперативного работника.

Когда на другой день Виктор пришел в отдел, Мишаню выводили из кабинета следователя.

— Ну что, Рудь, — спросил он, — скоро меня выпустят?

— Тебя-то? — посмотрел на него Виктор. — Наверно, не скоро. Тут, Мишаня, «лапша»!

3. СЛУЧАЙ В РЕСТОРАНЕ

С раскрытием каждого нового преступления накапливается у Виктора опыт. То, чего некоторым приходится добиваться годами,

давалось ему, на первый взгляд, легко, без труда. Но за этой кажущейся легкостью крылась кропотливая работа, большое моральное и физическое напряжение. Большинство дел требовало вдумчивого анализа и упорных поисков, а некоторые завершались так быстро, что потерпевшие не успевали заявить в милицию. Рудь может рассказать, как в магазине «Динамо» у гражданина, покупавшего фотобумагу, срезали фотоаппарат «Зоркий». Когда этот гражданин, заметив пропажу, выбежал из магазина, Виктор уже держал преступника за руку.

Немало задержал Рудь карманников, квартирных воров. Но особенно «везло» ему на грабителей.

Судовой врач П. вернулся из заграничного плавания. Во время ужина в железнодорожном ресторане к нему подсел неизвестный. Выпили, разговорились. Через час неизвестный исчез. Посидев еще немного, врач расплатился и решил идти домой. Но лишь успел он выйти из ресторана, как был сбит с ног ударом по голове и мгновенно раздет.

Расследованием этого дела занялся Виктор Рудь. Он дал оставшемуся в майке врачу свой пиджак, и они вместе отправились в город. Ходили долго и... безрезультатно. Виктор пригласил врача к себе домой подкрепиться. Потом он сказал:

— Давайте снова походим.

— Что толку, — уныло возразил врач, — все равно ведь не найдем.

— Не падайте духом. Идемте, а там — увидим.

Через некоторое время П. с волнением указал Виктору на одного из двух проходивших мимо мужчин. Этого парня атлетического сложения Виктор не знал. Зато второй был «старый знакомый» — вор-рецидивист по прозвищу Димка Цыган.

Подозвав постового милиционера, Виктор с его помощью задержал Цыгана и неизвестного. Но идти в отдел милиции те наотрез отказались. Тут подоспел еще один милиционер. С большим трудом задержанные были доставлены во Фрунзенский райотдел. А ночью Цыган бежал...

Второй задержанный, Занцев, освободившийся недавно из заключения, отрицал все начисто. Он говорил, что в этот вечер и не думал ходить в ресторан, что врача он видит впервые.

Рудь располагал единственной уликой, и то косвенной: вызванная официантка подтвердила, что Занцев в ресторане был и она его обслуживала.

Само по себе посещение Занцевым ресторана еще ничего не доказывало, но его стремление скрыть этот факт говорило о многом. Виктору удалось разыскать квартиру, где в ночь ограбления побывали Занцев и Цыган. Соседи подтвердили, что они приносили какие-то вещи. Там же на квартире при обыске были обнаружены документы врача. Грабеж был по существу доказан. Оставалось лишь разыскать Цыгана. Десять дней продолжался поиск. А когда на десятый день Цыган сидел за столиком в «Золотом Роге», на его плечо опустилась рука Виктора.

4. В ПОИСКАХ... ПОТЕРПЕВШИХ

Многие считают, что единственная обязанность работников уголовного розыска — искать, разоблачать преступников. Конечно, раскрывать преступления — это основное. Ну а как быть, если преступник задержан, разоблачен, найдены похищенные им вещи, но вот у кого они похищены — неизвестно. Ведь вор или грабитель не спрашивает у своей жертвы фамилии. А сам потерпевший, ошибочно считая, что найти преступника все равно не удастся, или по каким-либо другим причинам, порой не сообщает милиции о случившемся. Что делать в таком случае?

Задача милиции состоит в том, чтобы не только найти преступника, но и вернуть потерпевшему похищенное у него. Тут-то и начинаются трудные, зачастую длительные поиски потерпевших, во время которых требуется немало изобретательности и упорства.

Одно время во Владивостоке действовала преступная группа, совершившая несколько грабежей и краж. Наконец преступники были разоблачены. Активное участие в операции принимал Виктор Рудь. Но дело не окончилось поимкой грабителей. Надо было разыскать некоторых потерпевших, со дня ограбления которых прошло довольно много времени. Преступники не знали, например, с кого они сняли полупальто. Не знали этого и оперативные работники. Известно было лишь то, что грабеж совершен на улице Балхашской.

Не оставалось ничего другого, как пред-

положить, что потерпевший проживает где-то поблизости от места грабежа. Рудь и еще один оперативный работник решили выехать на улицу Балхашскую, чтобы проверить это предположение. Приехав, один из них стал обходить дома с четными, другой — с нечетными номерами, расспрашивая граждан, не известно ли им что-нибудь об ограбленном. Они ходили из дома в дом, и везде им отвечали: «Грабеж? Нет, не знаем. Не слыхали». И вот, когда Рудь зашел в последний двор по своей стороне и задал обычный вопрос, одна женщина сказала: «Есть у нас такой ограбленный. Миронов его фамилия. На втором этаже живет». Миронов оказался именно тем потерпевшим, которого требовалось найти. Стоит ли говорить, как удивился он, когда Рудь пригласил его в управление, чтобы вернуть похищенное грабителями полупальто.

Другой случай. Участники этой же грабительской группы отняли у девушки сетку с вещами и учебниками. Учебники, не представлявшие для преступников ценности, они забросили в овраг.

Необходимо было найти потерпевшую. С какого конца взяться за дело? Виктор рассуждал так. Школьники на учебниках обычно пишут свою фамилию. Если и ограбленная девушка поступила так, то разыскать ее будет нетрудно. Нужно лишь найти учебники. На допросе Виктор уточнил место, куда грабители выбросили книги, и поехал туда. Ему повезло: Вскоре он держал в руках учебник химии с надписью: «Чулко О. Д.» Итак, фамилия хозяйки книги установлена. Даль-

нейшее казалось уже совсем несложным делом.

Через адресный стол Виктор нашел Чулко. Она действительно подтвердила, что учебник принадлежит ей, но заявила, что ее никто не грабил. В чем же дело? И тут девушка вспомнила, что свой учебник она дала подруге — Анискиной. Нашли Анискину. Она подтвердила факт грабежа и опознала грабителей.

Не так давно Виктора назначили начальником одной из групп отдела уголовного розыска краевого управления. Работа этой группы очень своеобразна. Ее сотрудники не проводят глубокого расследования совершенных преступлений. Их задача — поймать преступника «на горячем», в тот момент, когда он пытается похитить чужую собственность. Это, конечно, не исключает и других сложных заданий оперативного характера. Но главное — не допустить преступления, предотвратить, пресечь его.

В группе подобралась хорошая, смелая молодежь, проявившая сметку и мужество при задержании преступников. Но, помимо этого, работники уголовного розыска создали при этой группе бригаду содействия милиции.

Бригадмилец уголовного розыска! Чтобы стать им, одного желания мало. Нужно обладать крепкими мышцами, горячим сердцем и спокойным, трезвым умом. Нужно ясно отдавать себе отчет, что придется сталкиваться не только с хулиганами, но с преступниками — ворами и грабителями, которые

подчас могут быть вооружены. Беспредельная любовь к своему народу, к советскому строю и ненависть к его врагам-преступникам — неотъемлемая черта бригадмильца уголовного розыска.

Много потрудился Виктор, чтобы создать крепкую, надежную бригаду. Он побывал в студенческих и рабочих коллективах, побеседовал с юношами, рассказал им о задачах, которые предстоит выполнять. За короткое время бригада выросла до семидесяти человек. Ядро ее составили студенты Дальневосточного политехнического института и рабочие Дальзавода. Почти все они спортсмены, комсомольцы. Руководит бригадой совет, который возглавил студент Дальневосточного государственного университета спортсмен-второразрядник Владимир Бирюков.

Среди бригадмильцев есть владельцы мотоциклов и даже автомашин. Это дало возможность создать мотобригаду, которая активно участвует в проводимых операциях.

Два раза в неделю бригадмильцы уголовного розыска собирались на занятия.

Уже с первых дней работа бригады дала ощутимый результат. Бригадмильцы задержали нескольких грабителей и воров. Все чаще стали они заменять там, где это возможно, оперативных работников.

Анатолий Базылев, по кличке «Базыль», главарь преступной группы, совершившей дерзкий грабеж, целый месяц скрывался от органов следствия и правосудия. Как-то от соседей Базылева Виктор Рудь узнал, что преступник появился у себя на квартире.

Вместе с тремя бригадмильцами Виктор на милицейской машине поехал за Базылевым. Прежде чем войти, он поставил двух бригадмильцев у окна, выходившего во двор, а сам с третьим членом бригады направился к двери.

Было уже два часа ночи, когда громкий, настойчивый стук в дверь разбудил Базылева.

— Кто? — спросил он.

— Милиция, — послышался ответ, — откройте.

Преступник бросился к окну. Но когда он распахнул его, то увидел бригадмильцев. Путь к бегству был отрезан, и грабитель подчинился повторному требованию Виктора открыть дверь.

— Молодцы, — говорил потом Виктор бригадмильцам Валерию Осипенко, Александру Синицыну и Юрию Курицыну, — здорово помогли мне.

Умело руководит Виктор своими помощниками. Между ним и бригадмильцами установились дружеские отношения людей, делающих одно общее дело.

* * *

Прошло пять лет с того дня, как Виктор Рудь получил аттестат зрелости. За эти годы ничем не примечательный паренек вырос в настоящего мастера борьбы с уголовными преступниками, трудолюбивого, смелого, умеющего в любом случае находить правильное решение, соединять глубокий анализ с быстрыми, решительными действиями.

Как и в любой другой профессии, в милицейской работе нет раз навсегда установившихся штампов. Она требует много творчества и любви к делу. Именно так относится к своей профессии лейтенант милиции Виктор Рудь. Милицейская служба стала для него делом жизни.

НА ТАЛАЛИХИНА, 12

На двери одной из комнат большого дома по улице Талалихина, 12, в котором разместилось общежитие Дальзавода, висит табличка: «Участковый уполномоченный Первомайского райотдела милиции города Владивостока». В скромно обставленной комнате двое — участковый Павел Флорианович Старжинский и пожилой мужчина. Наш приход прервал их, видимо, оживленную беседу. Глаза участкового, которому уже перевалило за шестьдесят, искрились веселым смехом.

— Вот вспомнили, как мы познакомились с Алексеем Филипповичем, — говорит Старжинский.

Алексей Филиппович — пенсионер. Большую жизненную школу прошел он за свои семьдесят с лишним лет. Вот что пишут о нем бывшие уральские партизаны Бондарев и Суспицын: «В 1917—1918 гг. был первым организатором и комиссаром отряда красных партизан в районе Верхне-Уральска. Активно вел борьбу против белой банды атамана Дутова и Колчака на Южном Урале». Хо-

рошо работал Алексей Филиппович и после гражданской войны. Но вот на старости лет, что называется, свихнулся, стал пить.

— Остепенись. Ну как тебе не стыдно,— пыталась урезонить его жена, тоже пенсионерка.

Тот что-то невнятно бормотал, оправдываясь, но проходило немного времени, и он снова начинал просить деньги на водку.

— А уж выпросить Алексей Филиппович умел,— говорит участковый, и оба смеются.— Решили мы с Александрой Владимировной взяться за Алексея Филипповича. Сколько раз уговаривали его бросить пить — счету нет. И что вы думаете? Каждый раз кается, сам себе верит. А пройдет несколько дней — снова за старое. Стало мне понятно, что для Алексея Филипповича нужно более сильное средство. Было у нас в клубе «Ручейном» собрание по вопросам соблюдения общественного порядка. Я Александру Владимировну предупредил, чтобы она обязательно мужа привела. Начинаю свое выступление, а сам смотрю, есть ли Алексей Филиппович. Вижу — сидит. Ну, думаю, держись, сейчас мы тебя заставим покраснеть. Привожу различные примеры. Вот, говорю, Алексей Филиппович, человек заслуженный, пожилой. А как он себя ведет? И рассказываю о его похождениях.

— Встань, встань. О тебе говорят,— поднимает мужа с места Александра Владимировна.

Надо было видеть, как переживал пенсионер. Тут же он дал слово прекратить пить

и сдержал его. Сейчас Алексей Филиппович активный бригадмилец, сам помогает вести борьбу с пьяницами, нарушителями общественного порядка. И Александра Владимировна от него не отстает. Как-то даже вместе с комендантом общежития, членом БСМ Колесниковой, они задержали опасного преступника, совершившего в Артеме крупную кражу. Недаром Александра Владимировна награждена двумя почетными грамотами и денежной премией.

В комнату входит посетитель — наступило время приема граждан.

— Не прописывают меня, — обращается вошедший к участковому, как бы продолжая прерванный разговор.

— Как же вы так себя скомпрометировали, что даже жена не хочет прописать в своей квартире?

Посетитель молчит. Чувствуется, что он и сам понял свои ошибки.

Входит пожилая женщина. Не о себе у нее забота. Она пришла узнать, скоро ли будет определена в дом инвалидов ее соседка, страдающая тяжелым недугом. Старжинский уже помог направить десятилетнюю дочь больной в детский дом, а сейчас, когда стало ясно, что болезнь пока не поддается лечению, надо помочь и матери.

Посетители идут один за другим. У каждого свои заботы, свои нужды. Каждому надо ответить на волнующий его вопрос, дать совет.

Бывают у участкового и другого рода посетители. Нет, они ни о чем не просят. Им

неловко стоять перед работником милиции. Вот один из них — молодой парень, работник ЖКО Алексей П.

— Ну, проспались? — встречает его вопросом Павел Флорианович. — Помните, что вы выделывали в общежитии?

— Пьян был, ничего не помню...

Парню явно стыдно за свое поведение. В душе он, видимо, проклинает себя за то, что решил для «бодрости» выпить стопку водки. За стопкой, как обычно, последовала вторая, третья... А в результате приходится вот так стоять перед пожилым человеком с погонами капитана милиции.

К семи часам в комнате участкового становится оживленно. Сейчас здесь преимущественно молодежь — бригадмильцы.

Здесь учащиеся, молодые рабочие Дальзавода, комендант общежития Евгения Колесникова и маленькая с каштановыми волосами восьмиклассница Валя, с удивительно подходящей к ее внешности фамилией — Застенчик. Поминутно отворяются двери, входят все новые бригадмильцы. Кто-то спрашивает:

— А где Аркадий? Еще не приходил?

— Что-то нет, — отвечает Старжинский, поглядывая на часы, — должен бы уже подойти.

В это время раздается телефонный звонок. Звонит старший бригады содействия милиции судосборщик Дальзавода Аркадий Хитрин. Он сообщает, что немного задержится. Комсомольцы цеха решили в нерабочее время покрасить крышу. Как закончат, так сразу придет.

В комнате царит атмосфера заинтересованности общим делом, которое объединяет разных по возрасту, характеру и профессии людей. Павел Флорианович Старжинский вспоминает первые дни своей работы на этом участке.

...Два с лишним года назад здесь было раздолье для хулиганов. В общежитиях, в клубе, на улицах нередко вспыхивали пьяные драки, случались кражи. Бригадмильцев было всего несколько человек, и они не представляли силу, способную обуздать нарушителей общественного порядка. А те чувствовали себя вольготно.

«Так продолжаться не может», — решил Павел Флорианович, ознакомившись с обстановкой на участке. Он стал проводить собрания в общежитиях, приглашал на них руководителей цехов, секретарей партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. Твердая убежденность, непреклонное стремление участкового дать решительный отпор хулиганам зажигали людей, заставляли думать о том, что борьба за общественный порядок — дело гражданской совести каждого из них. Изо дня в день расширялся круг помощников Старжинского, выявлялись наиболее активные, достойные звания бригадмильца. Число членов БСМ дошло до ста пятидесяти человек. Их возглавил бригадир судосборщиков Дальзавода комсомолец Борис Розаленко. Ядро бригады составили молодые рабочие: сварщик Валентин Тарасенко, кузнец Анатолий Конев, разметчица Валентина Вергунова, разнорабочая Васена Кузьмина и другие.

Все больше чувствовали хулиганы и преступники возраставшую силу общественности. Кончилась «спокойная жизнь» нарушителей общественного порядка.

Первый удар бригадмильцы нанесли в самое сердце хулиганской группы, задержав за драку ее главаря Анисимова и передав его органам правосудия. Этот Анисимов нигде не работал, жил за счет нескольких молодых парней, которых он полностью подчинил своему влиянию. Анисимов попал в исправительно-трудовую колонию. Его место попытался занять некий Барабаш. Участковый и Розаленко вызвали Барабаша, поговорили с ним по душам, без обиняков дали понять, что лавры главаря хулиганов приведут его туда же, куда привели они и Анисимова. Такой оборот дела, видимо, не устраивал Барабаша, и место главаря осталось вакантным. Охотников на него больше не нашлось.

Первый успех окрылил бригадмильцев, дал им уверенность в своих силах. Хулиганы не исчезли совсем. Но стоило лишь какому-нибудь любителю «острых ощущений» затеять скандал, как перед ним вырастали спокойные и решительные парни и девушки с красными повязками на рукаве. А с ними шутки плохи: вмиг окажешься в пикете, а потом хлопот не оберешься.

Но бригадмильцы боролись не только с хулиганами. Однажды у гражданина Филатова украли столярный инструмент. На поиски преступников пошли члены бригады. В тот же день бригадмильцы Галина Савченко — воспитательница детского сада и су-

досборщик Владимир Петрухин вместе с участковым задержали воров. Пропажа была возвращена потерпевшему. Двух воров помогли разоблачить старший бригады Борис Розаленко и бригадмильцы Валентин Тарасенко, Анатолий Конев и Даниил Минько. Все это поднимало авторитет бригадмильцев в глазах населения. На них смотрели с уважением, к ним обращались за помощью, называли имена хулиганов. Бригада, что называется, становилась на ноги.

Как раз в это время ушел служить в Советскую Армию Борис Розаленко. Встал вопрос: кем заменить его? На собрании кто-то предложил кандидатуру судосборщика комсомольца Аркадия Хитрина — смелого, инициативного парня. Предложение всем пришлось по душе. Аркадия хорошо знали и уважали в бригаде за его прямоту, непримиримость к хулиганам, душевность в обращении с товарищами. Борис Розаленко, с которым бригадмильцы и участковый не прерывали связи после его ухода в армию, писал: «Вы говорите, что Хитрин стал на мое место. Правильно. Он — молодец, и раньше меня поддерживал. Я надеюсь, что он оправдает доверие ребят. Не знаю, как сейчас у вас налажена работа, но желаю, чтобы побольше было таких, как Хитрин. Тогда и с непорядком можно быстро покончить».

В это время в комнату вошел Аркадий Хитрин. Его приход вызвал оживление среди бригадмильцев. Сразу стало шумно. Чувствовалось, что Аркадия здесь ждали и все рады его появлению. А он, запыхавшийся, с

разрумяненным от быстрой ходьбы лицом, застенчиво улыбался, словно хотел сказать: «Ну что вы, ребята, пришел — и все. Чему тут особенно радоваться».

Скромность — характерная черта Аркадия. Нелегко было заставить Аркадия рассказать о бригаде. В конце концов он разговорился.

— Взять хотя бы трамваи, — говорил он. — В часы пик пассажиров в нашем районе не меньше, чем, скажем, на первореченской линии. Но такого безобразия, как там, у нас не увидишь. «Висунов» мы немедленно снимаем с подножек. А кому охота задерживаться для неприятного разговора с бригадмильцами? И получается, что езда на подножках в нашем районе не в обычае. Стараемся не давать спуску и пьяницам, нарушителям общественного порядка. Таких наши патрули и дежурные задерживают, приводят в пикет, а здесь мы вместе с Павлом Флориановичем решаем: кого предупредить, кому на работу написать письмо, а кого и привлечь к ответственности. Иных проутюживаем в «Крокодиле» — нашей сатирической газете. Это тоже действует неплохо. Не раз приходилось слышать: «Дайте лучше пятнадцать суток, только в «Крокодил» не помещайте». Ну, а вымпел нам удалось получить потому, что каждый в бригаде хорошо понимает: делает он большое и нужное для советских людей дело.

Когда капитан Старжинский находился в отпуске, бригадмильцы самостоятельно с успехом обеспечивали общественный порядок. Не было того дня, чтобы на патрулирова-

ние не выходило 5—10 человек, а в пикете не находился дежурный. А как известно, одно лишь появление человека с бригадмильской повязкой и даже без повязки, если его знают, отрезвляюще действует на хулиганов.

Между бригадмильцами и капитаном Старжинским установилась хорошая дружба людей, объединенных общими стремлениями и интересами. В отношении Старжинского к бригадмильцам видна не только благодарность за добровольную помощь, но и отцовская забота пожилого, много повидавшего человека.

Как-то само собой вышло, что, когда участковый получил отпуск, взяли отпуск и бригадмильцы Чулков, Черкинский, Трифонов, Жога, Сафиуллин. Все вместе, сев на попутную автомашину, отправились в Чугуевский район отдохнуть, побродить по тайге, собрать виноград. Десять суток пробыли они в тайге, ночуя под открытым небом.

Участковый и бригадмильцы присутствовали на сессии исполкома сельского Совета, где поделились опытом работы по наведению общественного порядка, помогли одному из местных участковых.

Многие бригадмильцы имеют права мотоциклистов. И это благодаря участковому уполномоченному Старжинскому, который организовал для них мотокружок. Нашелся и руководитель кружка из числа бригадмильцев — инженер-технолог А. В. Силин. Занятия в кружке еще больше объединяют бригадмильцев.

Вот что мы узнали, побывав на улице Та-

лалихина, 12, где разместился штаб бригады содействия милиции капитана Старжинского.

...На город давно опустились сумерки. Вместе с бригадмильцами участковый выходит на улицу, чтобы каждый, кто возвращается из кино, театра, с работы, мог спокойно идти домой.

СЛОВО О РЯДОВЫХ

Стой,
    береги своим караулом
        копейки,
            людей,
                дома
                    и покой, —

обращался к работникам милиции Владимир Маяковский в своем стихотворении «Стоящим на посту». Кто же он, стоящий на посту? Это и оперативный работник, и автоинспектор, и работник паспортного стола, и постовой милиционер. Почему-то авторы книг о милиции отдают предпочтение уголовному розыску или в крайнем случае сотрудникам отделов борьбы с хищениями социалистической собственности. Меньше пишут об инспекторах детских комнат, участковых уполномоченных. И уж совсем не встретишь рассказов и повестей о скромных рядовых работниках милиции, о тех, кого мы ежедневно и ежечасно видим на перекрестках улиц, в парках, у входа в кинотеатры, на перронах вокзалов. А их служба также важна и не менее опасна.

Много примеров беззаветного мужества и отваги вписали рядовые работники в историю приморской милиции. Некоторые из них мы предлагаем вниманию читателей.

1. НА ПЕРРОНЕ ВОКЗАЛА

Милиционер линейного отдела милиции станции Владивосток сержант Анатолий Бородин возвращался в город из поездки по сопровождению пригородного поезда. Вот слева уже показались мачты судов, а справа промелькнуло здание холодильника с каменной коровьей головой на фронтоне. Смена закончилась благополучно. Еще несколько минут, необходимых для сдачи дежурства, и Бородин свободен. Впереди — отдых, встреча с невестой, друзьями.

Неожиданно Бородин услыхал крики. Обернувшись, он увидел, что по перрону вокзала за носильщиком гонится человек с ножом в руке. Не теряя ни секунды, Бородин бросился на помощь носильщику, схватил хулигана, но тот ударил его ножом в руку. Несмотря на ранение, Бородин задержал хулигана и с помощью пассажиров обезоружил его.

Так случайность изменила в тот день планы милиционера: вместо встречи с невестой, он попал в больницу.

Теперь рана уже зажила, только оказались прорезанными мышцы мизинца. Происшедшее, однако, не навело Анатолия Бородина на мысль оставить свою нелегкую, полную опасностей профессию. Наоборот, он решил

с еще большей настойчивостью бороться с преступниками.

Сержант Анатолий Бородин пришел на работу в милицию недавно, после службы на Тихоокеанском флоте. За это время он завоевал искреннее уважение товарищей. Нередко, закончив дежурство и немного отдохнув, он остается на работе, чтобы помочь сослуживцам.

У Анатолия Бородина сочетаются скромность и предупредительность в отношениях к товарищам с бесстрашием и мужеством, смелостью и находчивостью.

Однажды Бородин в составе оперативной группы сопровождал поезд. Состав подходил к станции Угольной. В это время с противоположной стороны к станции приближался другой поезд. Машинист непрерывно подавал сигналы, но человек, сидевший на краю платформы, оставался на месте. Остановить поезд было уже невозможно. Гибель человека казалась неотвратимой. Расстояние неумолимо сокращалось. Оставались какие-то десятки метров.

Увидев это, Анатолий Бородин соскочил с подножки вагона, подхватил человека и вынес его на перрон. А через мгновение по рельсам уже грохотал поезд. Как выяснилось позже, сержант милиции спас Андрея Семеновича Кузьмина, отца десяти детей. Приехав на Угольную, Кузьмин присел на платформу перрона, и тут с ним приключился обморок. И если бы не Анатолий Бородин....

В своем письме в линейный отдел милиции

А. С. Кузьмин и его жена, мать-героиня, от всего сердца благодарят сержанта милиции Анатолия Бородина за его самоотверженный поступок.

2. СЛУЖБУ НЕСЕТ СТАРШИНА ПИЛЮГИН

— Граждане, купите брюки, бостоновые, дешево отдаю!

Продававший — старик в немудрящей одежонке — громогласно расхваливал выставленные напоказ вещи: брюки, часы. Они действительно были добротными, но продавались почему-то за бесценок. Это насторожило покупателей. Они сообщили о подозрительном продавце во Фрунзенский районный отдел милиции. И когда старик вернулся домой, вслед за ним вошел старшина милиции Пилюгин.

Поняв, что деваться некуда, старик рассказал о том, что к нему как-то пришел незнакомый человек и попросил продать коекакие вещи. «Мне уезжать срочно надо, — говорил он, — деньги нужны. А сам я торговать не умею. Так что ты вещички эти продай, а я вскоре загляну за выручкой. За труды заплачу».

Через некоторое время он действительно зашел и, получив выручку, снова дал вещи для продажи. Так повторилось несколько раз. Старик, хотя и подозревал неладное, но, получив источник средств для ежедневных выпивок, послушно выполнял поручения нового знакомого.

Теперь-то, во время беседы со старшиной, он понял, к чему это привело, и пообещал помочь работникам милиции задержать неизвестного.

Прошло несколько дней. К Пилюгину, стоявшему на посту, подошел пожилой мужчина. По просьбе старика он сообщил, что неизвестный приехал и направился в гостиницу снимать номер.

В коридоре гостиницы старшина встретил плотного, хорошо одетого мужчину с чемоданчиком в руке. По описанию он сразу узнал неизвестного. Мужчина выразил недовольство, когда старшина попросил его предъявить документы. Это был некто Семенцов. Он недавно освободился из заключения, нигде не работал, нигде не был прописан.

— Старшина, давай разойдемся мирно. Возьми вот этот чемоданчик, в обиде не будешь, — сказал Семенцов.

— Купить хочешь? — с презрением ответил Пилюгин. — Не выйдет! Пошли.

Оставив чемоданчик на подоконнике, мужчина двинулся к выходу.

— А чемоданчик-то вы забыли, — остановил его Пилюгин.

— Ах, да. Действительно, — «спохватился» Семенцов. — Прихвати его. Ты поближе.

— Ваша вещь, вы и несите, — отрезал старшина.

Пилюгин понял, что перед ним опытный преступник: возьми он сейчас чемодан, Семенцов впоследствии от него откажется.

На улице их ожидала вызванная Пилю-

гиным милицейская машина. В ней находились бригадмильцы. Приняв их за задержанных, Семенцов по пути в райотдел пытался передать одному бригадмильцу чемоданчик.

— Э-э нет, дядя, — засмеялся тот. — Мне твое добро не нужно.

Возле милиции случилось то, чего старшина ожидал все время: Семенцов попытался бежать. Он резко рванулся вперед, но Пилюгин мгновенно подставил ногу. Преступник упал на тротуар. Завязалась борьба. Подоспели товарищи, и это решило исход схватки. Преступник, уже однажды отбывавший наказание за кражу, был схвачен.

Оказалось, что, освободившись из заключения, Семенцов вместе со своими друзьями обворовал четыре магазина в разных районах края. Последним был магазин в селе Вознесенске, Хорольского района. В чемоданчике у Семенцова лежало пятнадцать золотых часов и двадцать один метр крепдешина.

3. ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ...

— Товарищ дежурный, может я ошибаюсь, но все же прошу проверить. Я сейчас проходил мимо ларька в Ивановке и услыхал подозрительный треск, — еле переводя дыхание, говорил в первом часу ночи прибежавший в Партизанское районное отделение милиции электромонтер Сергей Балюк.

Дежурный, старший сержант милиции Мутовин, не стал долго раздумывать. Оставив за себя помощника, он немедленно направился в указанное место.

Едва Мутовин вышел из двери, его окутал густой мрак августовской ночи. Сеяла морось, стлался плотный, будто вата, туман. «Для грабежа — самое подходящее время»,— думал Мутовин, быстро шагая по дороге к Ивановке. Идти было недалеко — метров пятьсот.

Вот и ларек. И тут Мутовин явственно услышал треск.

«Да, кто-то орудует, — решил старший сержант. — Не спугнуть бы только». Как же лучше всего, оставаясь незамеченным, подойти к ларьку? Идти по дороге — определенно увидит, а обходить — в болото лезть надо. Эх, была не была, болото так болото! И с сожалением оглядев тщательно вычищенные сапоги, Мутовин двинулся в обход.

Неслышно приблизившись к киоску, он увидел высокого широкоплечего детину, каким-то инструментом ломавшего доски. «Здоровый, черт, — мелькнула мысль. — Одному взять будет трудновато». В окне дома, расположенного неподалеку, горел свет. Там жил бригадмилец Гаврилов. Сходить разве за ним? Нет, этого делать не следует. Во дворе собака; преступник услышит лай и исчезнет. Пиши пропало.

Мутовин решил брать вора один.

— Стой, руки вверх! — прозвучал его громкий оклик.

От неожиданности преступник выронил из рук лом. Но увидев, что перед ним лишь один милиционер, да и тот невысокий, довольно щуплый, он по-медвежьи двинулся на Мутовина.

— Стоять на месте, — скомандовал тот.

Не обращая внимания, вор надвигался на него.

— Стрелять буду! — предупредил Мутовин.

— Стреляй, — пробасил детина, — у тебя патроны холостые.

Патроны у Мутовина были, конечно, самые настоящие, боевые. Но стрелять?.. Нет, он обязан сделать все, чтобы взять преступника невредимым.

Не успел детина еще раз шагнуть вперед, как тишину ночи разорвал предупредительный выстрел. Еще шаг — и еще выстрел.

— Следующий в тебя, — предупредил Мутовин.

Тогда преступник повернулся и зашагал по тропинке к кустам.

«Нет, не уйдешь», — прошептал старший сержант и, сунув пистолет в кобуру, бросился вслед за преступником. Догнав, он молниеносным приемом свалил его на землю. Но преступник, который был на голову выше Мутовина и обладал недюжинной силой, вывернулся. Завязалась борьба. На помощь милиционеру спешил бригадмилец Гаврилов, услыхавший пистолетные выстрелы. Вместе с ним старший сержант скрутил вора. Это был местный житель Алексей Жарков. На допросе он сознался в краже, совершенной ранее. Попытка взломать киоск была уже второй в эту ночь. В первый раз ему помешала возвращавшаяся с танцев молодежь, а во второй — старший сержант милиции Иван Григорьевич Мутовин.

ЭНТУЗИАСТЫ

В нескончаемом потоке машин движется обычная «Победа». Мимо, обгоняя всех, стремительно проносится голубая «Волга». На перекрестке она резко сворачивает вправо, и мгновенно создается «пробка». Шоферы нетерпеливо высовываются из своих кабин, чтобы выяснить в чем дело. Так и хочется выразить свое недовольство продолжительным гудком, но нельзя.

Наконец «пробка» рассасывается. Свернув на боковую улицу, хозяин «Волги» намеревается продолжить свой путь. Но впереди уже стоит обогнавшая его «Победа», а около нее человек с поднятой рукой. И только тут шофер-нарушитель замечает в левом углу заднего стекла «Победы» небольшую табличку с надписью «Общественный автоинспектор». Приходится остановиться.

— Вы нарушили правила уличного движения, — слышится строгий голос инспектора-общественника. — Разрешите ваши права.

Записав номер машины и фамилию владельца, он предлагает нарушителю на сле-

дующий день зайти в государственную автомобильную инспекцию.

Общественный автоинспектор, остановивший нарушителя правил движения, — шофер Владивостокского пассажирского автохозяйства Валентин Николаевич Беспризванный. Вместе со своими товарищами — общественными автоинспекторами он часто выходит на улицы города или выезжает на собственном автомобиле, чтобы пресекать лихачество, не давать водителям управлять машиной в пьяном виде.

Нечего греха таить, есть еще среди шоферов любители заглянуть в рюмку прежде чем сесть за руль. А потом — авария, человеческие жертвы, скамья подсудимых... Недаром говорят, что пьяница-водитель не менее опасен, чем распоясавшийся хулиган с ножом в руках. Разве не все равно человеку, кто нанесет урон его здоровью или даже отнимет жизнь — грабитель или пьяный шофер! И общественные автоинспектора, забывая об отдыхе, после работы идут охранять жизнь советских людей. Как не назвать это скромным, обыденным героизмом!

Около двух тысяч часов отдежурили за год общественные автоинспектора Владивостокского пассажирского автохозяйства. Ими руководит коллективный глава — совет, в который вошли наиболее уважаемые, авторитетные люди, лучшие производственники и общественники.

Председатель совета Феофил Денисович Поляков. Восемнадцать лет своей жизни провел он за рулем. Феофил Денисович —

бессменный член партийного бюро и местного комитета. Отличный шофер, работающий без аварий и поломок. Занесен в Книгу почета производства. Награжден Почетной грамотой краевого управления внутренних дел. Водитель первого класса. В прошлом — боксер первого разряда, сейчас — председатель краевой секции бокса, судья республиканской категории.

Член совета Владимир Афанасьевич Кузько. Это человек трудной и яркой судьбы. До войны он работал машинистом во Владивостокском депо, потом — шофером. С начала войны Владимир Афанасьевич ушел на фронт. Из-за трагически сложившихся обстоятельств он попал в плен к фашистам. Тяжелые испытания выпали на его долю — унижения, оскорбления человеческого достоинства, страшная жизнь в концентрационных лагерях. Но все это не сломило воли Владимира Афанасьевича, не погасило в нем беспредельной любви к Родине. Ему невыносимо было находиться в плену в то время, когда товарищи вели бои за свободу Отчизны. Шесть раз он бежал из плена. Пять раз его ловили. Шестой побег оказался удачным. Проломив пол вагона, в котором их везли, пленники на ходу выбросились на полотно железной дороги. С большими трудностями добрался Кузько до партизан. Он стал командиром подрывной группы одного из партизанских отрядов, действовавшего в Ленинградской области. В прошлом году по приглашению школьников он выезжал в места, где партизанил когда-то.

Сейчас Владимир Афанасьевич — член местного комитета, шофер-отличник. Кузько не может равнодушно смотреть, как какой-нибудь лихач-шофер калечит людей, за жизнь которых он, бывший партизан, самоотверженно дрался с врагами. И поэтому Владимир Афанасьевич — один из активнейших членов совета общественных автоинспекторов.

В состав совета входят коммунисты бригадир В. Скок и шофер А. Сидоренко, комсомолец Д. Евдокимов и другие. Среди них пять шоферов-отличников.

А кто же общественные автоинспектора? Это лучшие производственники, коммунисты, комсомольцы, бригадиры, профорги, инженерно-технические работники. Тут мы видим депутата горсовета Михаила Ивановича Андронова, секретаря партийной организации шофера Василия Афанасьевича Пономарева, комсорга Виталия Фисуненко, шоферов И. Процкого, Н. Степанова и многих других. Все они отличные производственники, выполняют различные общественные поручения, почти у каждого есть семья. И все-таки они находят время для участия в работе совета.

Требуя соблюдения правил движения автотранспорта от шоферов других организаций, совет особенно строго относится к «своим». Каждые пять дней в пять часов утра выделенная советом комиссия становится у ворот автохозяйства. Начинается тщательная проверка технического состояния выезжающих автомашин. От глаз проверяющих не ускользнет ни малейшая неисправность.

Каждая будет отмечена в акте осмотра. А потом...

«22 октября в 11.00 проводится заседание совета общественных автоинспекторов пассажирского автохозяйства. Для разбора дел приглашаются шоферы обеих смен с автомашин №№...

Явка обязательна.

Совет».

Сначала казалось: ну что страшного держать ответ перед таким же шофером, как ты сам? Но первое же заседание показало, что товарищи по работе могут подойти строже, чем работники госавтоинспекции. Ведь от них ничего не скроешь: вся твоя работа перед ними как на ладони. На некоторых, конечно, общественное порицание не действовало. Таким нарушителям совет решил нанести более чувствительный удар — ходатайствовать перед администрацией о лишении нарушителей выплаты им безаварийных. Особенно злостным госавтоинспекция по представлению совета заменила талон № 1 на № 2, или № 2 на № 3. Чем грозит такая замена, хорошо знает любой шофер. Если его вновь задержат за нарушение правил, то по талону узнают, что оно у него уже не первое, и могут лишить прав на управление автомобилем.

Теперь все поняли: совет может не только пожурить, но и наказать.

Такие заседания проводятся почти каждую неделю. И многие водители сейчас благодар-

ны совету за то, что он вовремя помог им исправить ошибки. Некоторые бывшие нарушители после разбора на заседании совета не только исправились, но и сами стали активными общественными автоинспекторами. Так произошло, например, с шоферами Осминкиным, Дергачом и Мищенко.

Казалось бы, частые проверки, задерживающие выезд машин из парка, приведут к снижению производственных показателей. Не видящий далеко вперед администратор встретил бы деятельность совета если не в штыки, то крайне недоброжелательно. К счастью, администрация хозяйства сразу поняла, какую пользу может принести вмешательство общественности в производственные дела. Она стала всемерно поддерживать совет. Результаты превзошли все ожидания. Количество аварий, поломок, задержаний машин госавтоинспекцией стало уменьшаться. Каждый шофер стал теперь постоянно заботиться о хорошем состоянии своей машины. И вот план, который раньше не выполнялся из месяца в месяц, стал выполняться. Сорок четыре водителя получили талоны отличников.

Авторитет совета неизмеримо вырос. Не каждый желающий может стать общественным автоинспектором. Сначала шофер должен пройти месячный кандидатский стаж, во время которого товарищи посмотрят, достоин ли он стать внештатным инспектором ГАИ. А уж коли получил удостоверение инспектора, то с тебя и спрос вдвойне. Чтобы требовать с других — будь образцом сам.

...Десятки машин с табличкой «Общественный автоинспектор» движутся по улицам города. Ими управляют руки мастеров вождения, энтузиастов своей «второй профессии».

—•—

«СПОКОЙНАЯ» ДОЛЖНОСТЬ

Писаного закона о привлечении к ответственности за равнодушие нет. Но в обществе, строящем коммунизм, есть и неписаные законы. Один из них гласит: «Не проходи мимо!» Не проходи мимо преступления, не закрывай глаза на нарушение общественного порядка, не отворачивайся от человека, если ему нужна твоя помощь.

Этот неписаный закон, созданный обществом в противовес мещанскому, обывательскому «моя хата с краю», вошел в плоть и кровь миллионов советских людей. Они смотрят на жизнь глазами хозяев и по-хозяйски выметают весь сор, который мешает жить.

Появляется новое отношение к труду и к поддержанию советского правопорядка. Все громче звучит голос бригад коммунистического труда. Возникли добровольные народные дружины, которые состоят из людей, не знающих равнодушия и покоя.

Об одном из скромных, рядовых работников милиции, труд которых так же благороден, как и незаметен, мы хотим рассказать.

...Серая с черными подпалинами овчарка рвалась с поводка. След был не особенно «свежим». Преступники прошли здесь несколько часов назад. Собака горячилась, и даже привыкший к быстрым переходам проводник с трудом поспевал за нею. А чуть позади, не отставая ни на шаг, бежал по заснеженной дороге невысокий, худощавый человек с погонами лейтенанта милиции.

Бежали молча, тяжело дыша. Позади осталось уже больше десяти километров, а поводок по-прежнему был натянут, как струна. Ноги наливались свинцом, пот заливал глаза, кровь стучала в висках. Двенадцатый километр. Неожиданно собака остановилась, заметалась, бросилась вправо, влево и, окончательно потеряв след, подняла на проводника виноватые глаза, будто хотела сказать: «Больше ничего сделать не могу. На меня теперь не рассчитывай». Но сделано было уже немало. Удалось установить, что преступники, ограбившие в селе Чкаловке магазин, сели в этом месте на машину. Через некоторое время их задержали.

Кто же были люди, пробежавшие двенадцать километров, чтобы узнать, куда скрылись воры? Один, как уже говорилось, проводник служебно-розыскной собаки, а второй...

Второй, как ни странно, занимал должность, которая считается в милиции самой спокойной. Это был начальник паспортного стола Чкаловского районного отделения милиции Григорий Леонтьевич Шевчук. Как удивились бы посетители паспортного стола, уви-

дев здесь этого чуть медлительного человека, занимавшегося обычной на их взгляд канцелярской работой — пропиской и выдачей паспортов.

Но ничуть не удивились сослуживцы Григория Леонтьевича, когда он, зная, что оперативные работники заняты другими неотложными делами, сам вызвался участвовать в преследовании преступников. Сотрудники привыкли, что начальник паспортного стола не разграничивает того, что «обязан» и того, что «не обязан» делать. Не меньше, чем о личных успехах, думает он об успехах всего коллектива, принимает близко к сердцу удачи и промахи каждого работника и всегда готов помочь.

Как-то на территории района была совершена кража. Выдвинутые версии о предполагаемых преступниках после проверок опровергались одна за другой. Раскрытие преступления затягивалось. Стоит ли говорить, что это волновало весь коллектив. Каждый старался чем-нибудь помочь, каждый высказывал свои предположения. Отвергнуто было предположение Шевчука о том, что кражу совершил некий К.

Но Шевчук стоял на своем. Ведь прежде чем назвать К., он долго перебирал в памяти тех, кто мог совершить кражу, наблюдал, беседовал с людьми. И теперь он был твердо убежден, что находится на верном пути.

Убежденность, как известно, не доказательство, и оперативные работники сочли мнение Шевчука ошибочным. Конечно, Шевчук мог махнуть рукой на несговорчивых со-

служивцев и перестать интересоваться кражей. Какое дело в конце концов ему, начальнику паспортного стола, до уголовного преступления? Пусть им занимается тот, кто обязан делать это по долгу службы. Но не в характере Шевчука отступать, когда чувствуешь свою правоту. Однажды он вошел в кабинет начальника отделения милиции майора Гнатюка, рассказал о своих подозрениях и попросил разрешения произвести обыск в квартире К. Майор задумался. Потом взглянул на Шевчука:

— Товарищи, кажется, с вами не согласны?

— Да.

— И все-таки вы...

— И все-таки я уверен, что не ошибаюсь. Уверен в этом.

— Хорошо. Обыск разрешаю. Но учтите, если окажется, что мы скомпрометируем ни в чем не повинного человека, — спрошу с вас.

— Согласен, — твердо ответил Шевчук.

После обыска, подтвердившего догадку Григория Леонтьевича, К. был арестован.

А на следующий день Шевчук снова сидел в своей рабочей комнате и деловито принимал граждан. Одному надо заменить паспорт, другого — прописать, третьего — выписать. И все это Григорий Леонтьевич делает не холодно, по-канцелярски, а с душой, с живым участием к судьбе человека. Он поинтересуется, откуда приехал гражданин, велика ли семья, какая специальность, спросит, как у него с работой. Если не устроен —

подскажет куда пойти. Он пожурит за задержку с оформлением прописки, строго взыщет со злостного нарушителя паспортного режима, сделает все, чтобы выяснить истинную причину нарушения. Шевчук хорошо знает, что среди уклоняющихся от прописки встречаются люди, которые скрываются от следствия и суда, злостные неплательщики алиментов и просто те, кто не хочет жить честной трудовой жизнью.

Был однажды такой случай. В селе Никитовке устроилась работать фельдшером гражданка Тарасенок. При проверке ее паспорта обнаружилось, что в нем нет отметки о выписке с прежнего места жительства. Шевчук заинтересовался этим. Он запросил Михайловское районное отделение милиции о Тарасенок. Оказалось, что не выписалась она не случайно. Дело в том, что она совершила растрату и теперь скрывалась от ответственности.

Или другой факт. Участковый уполномоченный Фефелов проверял соблюдение паспортного режима в лестранхозе. У рабочего Миронова не оказалось паспорта.

— Он случайно попал в огонь, когда я сжигал сучья, — пояснил Миронов.

Фефелов предложил ему зайти в паспортный стол с заявлением об утрате паспорта. Когда Миронов пришел, Шевчук подробно расспросил его, принял заявление и назначил день получения паспорта. Отпустив Миронова, он занялся проверкой его личности. Что же выяснилось? В течение трех лет Миронов разъезжал по районам Приморского

края, нигде не прописываясь. Все это время его разыскивал Пушкинский городской отдел милиции Ленинградской области.

Около трех лет назад Григорию Леонтьевичу был поручен розыск неплательщиков алиментов. Принимая алиментные дела от работника, который раньше занимался ими, Шевчук впервые услышал выражение «мертвое» дело, т. е. такое, по которому розыск длился годами и надежды на его успешное завершение почти не было. Два неплательщика алиментов разыскивались семь лет, один — шесть и т. д. Дети росли, поступали в школу, годами ожидая помощи от своих отцов, а отцы и думать о них забыли.

Шевчук хорошо знал трудную жизнь семьи, оставшейся без кормильца. Он испытал ее на себе. Это было в годы Великой Отечественной войны, когда отец и старший брат ушли защищать Родину. В 1942 году умерла мать, а через несколько месяцев пришло письмо, написанное незнакомым почерком. Отец погиб смертью храбрых. На плечи пятнадцатилетнего Григория легли заботы о младших братишке и сестренке, о семидесятипятилетней бабушке. Трудное это было время, и никогда не забыть Григорию Леонтьевичу военных лет.

Теперь, когда перед ним лежала стопка серых картонных папок с делами, он не мог не видеть за каждым из этих дел детей, не понимать, как трудно одинокой женщине растить ребятишек.

Что и говорить, положение с розыском неплательщиков алиментов было сложным. Все

возможности, казалось, были исчерпаны. Но Григорий Леонтьевич твердо решил оживить «мертвые» дела, довести их до конца. Другой мог бы удовлетвориться имеющимися документами и продолжать розыск по сведениям из разного рода справок. Такой метод не устраивал Шевчука. «Бумага есть бумага, — думал он. — Больше того, что в ней написано, из нее не узнаешь. А человек... Он может припомнить что-нибудь важное, ранее забытое, чему, может быть, и сам не придавал значения. Нужно начать с людей».

Григорий Леонтьевич пригласил в районное отделение матерей, не получающих алименты, побеседовал с каждой, проверил биографические данные разыскиваемых, их родственные связи, расспросил о местах возможного проживания. Как он и ожидал, беседы дали то, чего не могли дать бумаги. Выяснилось, например, что при объявлении розыска неплательщика алиментов Вологжанина, исказили фамилию разыскиваемого, пропустив в ней букву «г». И сколько бы ни искали Вологжанина, превратившегося по документам розыска в Воложанина, найти его, конечно, было невозможно. Такая мелочь, как пропущенная буква, превратила дело в «мертвое». А когда Шевчук переобъявил розыск по правильной фамилии, место проживания Вологжанина было быстро установлено.

Жена неплательщика алиментов Быкадорова — Елизавета Николаева давно уже перестала ходить в отделение милиции. Явившись по вызову Шевчука, она безнадежно

махнула рукой: «Семь лет ищут... Дочери вот уже семнадцать исполнилось». Молча выслушал Григорий Леонтьевич этот справедливый упрек.

Шевчук решил во что бы то ни стало разыскать Быкадорова и заставить его выполнить свой отцовский долг.

Из рассказа Николаевой он узнал, что муж ее во время войны находился в рядах Советской Армии. Она регулярно получала от него письма. В 1946 году пришли посылка и письмо: «Встречай, еду». Однако он не приехал. Три года ждала Николаева возвращения мужа, но так и не дождалась. Тогда она решила подать заявление об алиментах. Прошло семь лет, а результатов никаких. На вопрос Шевчука о последнем месте службы Быкадорова и о его родственниках Николаева ничего не могла сказать. А на вопрос, где он родился, ответила: «Где-то на Кубани». На Кубани?! Но ведь в розыске Быкадоров значится уроженцем Ростова-на-Дону! Или Николаеву подводит память, или розыск объявлен неправильно. Все это надо проверить.

Шевчук попросил Николаеву поискать дома адрес службы мужа в Советской Армии. И она принесла справку, высланную воинской частью в 1946 году. Это уже было что-то реальное, от чего можно было оттолкнуться для возобновления поисков.

Связавшись с архивом Министерства Обороны, Шевчук узнал, что муж Николаевой действительно служил в части, выдавшей справку. Но значился он там не Быкадоровым а Быкадыровым, уроженцем хутора

Синегорска, Шахтинского района, Ростовской области. Кого же в конце концов искать: Быкадорова или Быкадырова? Шевчук как бы стоял у развилки дорог без всяких указателей.

Трудно представить, сколько усилий затратил Григорий Леонтьевич, чтобы установить истину. Скажем лишь, что розыск длился год, а в папку легло триста новых листов! Огромный труд увенчался успехом. Шевчук выяснил, что данные Министерства Обороны тоже не совсем точны. Разыскиваемый оказался все-таки Быкадоровым, а не Быкадыровым, и не Иваном Карповичем, а Иваном Поликарповичем, преспокойно проживающим в хуторе Синегорске, Белокалитвенского района, Каменской области.

С облегчением закрыл Григорий Леонтьевич папку: еще одно дело закончено, мать получит деньги на воспитание дочери.

Одно за другим оживали «мертвые» дела. Во все концы страны летели запросы и письма из Чкаловского районного отделения милиции. Шевчук тревожил работников самых различных организаций и учреждений. Бывало, что он сталкивался с бездушным, бюрократическим отношением к судьбе человека. Тогда приходилось просить, настаивать, требовать ясного, быстрого и точного ответа. Это была живая, творческая, работа, напряженная и беспокойная, скромная и благородная. Закончилась она полной победой лейтенанта милиции Григория Леонтьевича Шевчука. Все неплательщики алиментов были разысканы.

В коллективе уважают Григория Леонтьевича. И не только как образцового работника, честного труженика. Сослуживцы знают его как инициативного и принципиального коммуниста. Четвертый раз подряд коммунисты отделения милиции оказывают ему высокое доверие, избирая секретарем своей партийной организации.

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Не так давно на перекрестке Северного и Океанского проспектов можно было видеть невысокого подтянутого постового с полосатым милицейским жезлом в руке. На его обветренном, энергичном лице играл здоровый румянец. Серые улыбающиеся глаза доброжелательно и немножко строго смотрели на прохожих. Иногда он подносил к губам свисток, поднимал жезл, останавливал нарушителя правил уличного движения или превысившую скорость машину.

Этого постового хорошо знали и боялись любители висеть на подножках трамваев, шоферы-лихачи. «На спине у него глаза, — говорили они, — все видит». Постового звали Александром Егоровичем Люлькиным. Вскоре на посту его заменил другой милиционер. Теперь Люлькин появлялся на мотоцикле. Он стал командиром отделения Первореченского районного отдела милиции.

Когда во Владивостоке проходил краевой слет отличников учреждений внутренних дел, все с большим интересом слушали рассказ

Люлькина. Мы решили познакомиться с Люлькиным поближе, узнать о нем побольше. И он рассказал...

* * *

До милиции я работал в Дальневосточном пароходстве. С шестнадцати лет плавал на судах юнгой, учеником кочегара. Сдал экзамены на кочегара, на машиниста второго, а затем первого класса. Во многих местах довелось побывать: в Америке, Китае, в различных пунктах побережья дальневосточных морей. Потом служил в рядах Советской Армии, а когда демобилизовался, поступил на работу в жилищно-коммунальный отдел Дальневосточного пароходства. Вот здесь я и познакомился с работой милиции, когда стал членом бригады содействия милиции, или бригадмильцем, как попросту нас называют.

Мне было обидно за тех молодых людей, которые, вместо того чтобы с пользой для себя провести свободное время, пьянствовали, хулиганили, не давали спокойно отдыхать гражданам. Пощады таким забиякам мы не давали.

Но недолго я был бригадмильцем. Наш участковый предложил мне поступить на работу в милицию, и я согласился.

Первое время приходилось нелегко. Но со временем я усвоил новые обязанности. Моими успехами постоянно интересовался командир взвода Кольманов. Он проверял, как я справляюсь с работой, помогал овладевать милицейской службой, а потом стал направ-

лять на патрулирование с опытными милиционерами. Часто приходилось патрулировать со старшиной милиции Ивановым, у которого я многому научился. Вскоре мне доверили самостоятельно нести службу на посту.

Я понимал, что главная моя обязанность — обеспечивать безопасность граждан от посягательств уголовных преступников и хулиганов. Как лучше всего сделать это? Ведь пост большой, а у меня единственное средство передвижения — ноги. Поэтому я стал присматриваться, в каких местах больше народа, где чаще всего нужна моя помощь.

В нашем деле нельзя быть невнимательным. Постовой обязан замечать буквально все.

Помню случай, когда помогла внимательность. Некоего Тришкина привлекли к ответственности за мелкое хулиганство. Не отбыв срока наказания, он сбежал и целый месяц скрывался. Как-то в проходившем трамвае я заметил знакомое лицо. Это был Тришкин. Пришлось догонять трамвай на машине. Хулиган был очень недоволен, стал возмущаться, протестовать. А тут еще, как бывает иногда в таких случаях, нашлись «защитники». Едет, дескать, человек тихо, мирно, а милиция невесть чего придирается. Но Тришкина я все-таки высадил и доставил в отдел.

Хочется, кстати, сказать о «защитниках». Есть еще такие «сердобольные» граждане, которые готовы заступиться даже за явного хулигана, особенно тогда, когда он не трогает лично их. Чего, мол, там! Выпил чело-

век, со всяким случается; пошумит и утихнет. А стоит лишь дебоширу затронуть такого «сердобольного», как он тут же кричит «милиция!».

С каждым днем служба в милиции нравилась мне все больше. Ведь постовой находится на переднем крае борьбы с преступностью и хулиганством. Хочется, чтобы радость труда и отдых советских людей не омрачались безобразными выходками дебоширов и любителей пожить за чужой счет. Но желания бороться со всем этим мало. Одним старанием тут не возьмешь. Иногда можно перестараться, а иногда не сделать даже того, что необходимо. Значит, нужны знания. Их и дала мне подготовка на учебном пункте краевого управления внутренних дел.

Учебу я окончил хорошо. После этого меня поставили на самый оживленный пост в нашем районе. Здесь остановки трамваев, автобусов, много пешеходов, автомобилей. На таком участке нужен зоркий глаз. Случается, что зазевавшийся прохожий того и гляди окажется под колесами автомобиля. Нужно его вовремя предупредить. Или воришка на остановке попытается залезть в чужой карман. И это необходимо заметить. В общем, работы много, только поспевай. А помимо всего, к нам ведь обращаются граждане, чтобы узнать, где находится та или иная улица, учреждение, как туда добраться. Да и не только это. Обращаются иногда по самым неожиданным вопросам. Был однажды такой случай. Подходит ко мне гражданин и говорит, что где-то непо-

далеку прямо на улице продают пиво по завышенной цене. Можно было, конечно, направить гражданина в Горторг, в отдел милиции или к участковому. Но поступить так я не мог. Скажи я человеку, что контролировать торговлю не входит в мои обязанности, он махнет рукой и уйдет с самым нелестным мнением о работниках милиции. А жулику это на руку, потому что в следующий раз, столкнувшись с подобным безобразием, гражданин пройдет мимо. Поэтому, не теряя времени, я направился к указанному месту. Торговля шла полным ходом. Я потребовал фактуру, разрешение на торговлю, спросил покупателей, сколько они платили за пиво. Выяснилось, что каждый переплачивал более чем по рублю на бутылке. Взяв свидетелей, я пошел с ними в райотдел. Там работники ОБХСС занялись этим делом и привлекли продавца к ответственности.

Плохо у нас еще с соблюдением правил уличного движения. Некоторые пешеходы переходят улицу как попало и где попало. Иные пассажиры соскакивают на ходу с подножки трамвая, много еще «висунов». Таких людей я обязательно останавливаю и предупреждаю. Некоторых штрафую, а многих записываю в свой блокнот и говорю: «Вот я вас записал. Если еще раз нарушите правила — оштрафую». С частью записанных приходилось сталкиваться и впоследствии, но на большинство запись в блокнот действовала отрезвляюще. Бывало и так, что оштрафованные обижались: нечего ему, дескать, делать, вот он и штрафует. А если разобрать-

ся, то поступаю я так для их же пользы, стараюсь сохранить жизнь каждому человеку. По-моему, надо обижаться тогда, когда постовой не обращает внимания на нарушения, и в результате человек попадает в больницу.

Всего больше обижались водители. Не нравилось лихачам, нарушителям правил движения транспорта, что я не даю им спуску. Однажды в райотдел поступила на меня жалоба от водителей автотранспортной конторы. Они писали о моих якобы неправильных действиях. А когда стали проверять жалобу, то сами же писавшие отказались от своего заявления. «Нас попросил подписать один товарищ, — говорили они, — мы и подписали. А к Люлькину никаких претензий не имеем».

Не так давно назначили меня командиром отделения. Прибавилось хлопот, повысилась ответственность. Теперь я отвечаю уже не за свой пост и не только за себя, а за каждого из подчиненных, за несколько постов. Надо подготовить людей к заступлению в наряд, проверить состояние оружия и несения службы. Кроме того, за мной закреплен мотоцикл, и потому приходится выполнять самые различные поручения: то отвезти срочный пакет, то доставить в отдел задержанного, то выехать с оперативным работником на происшествие. Задания последнего рода мне нравятся больше всего. Тут на практике учишься раскрывать преступления, а нам, работникам наружной службы, это умение всегда пригодится. В раскрытии нескольких

преступлений я уже принимал непосредственное участие. Об одном случае стоит рассказать.

Однажды оперуполномоченный Лемеха получил сообщение, что некий Новиков с друзьями совершил грабеж. Поехали к Новикову на квартиру, но дома его не оказалось. Тогда мы решили проехать к месту происшествия. На углу улиц 2-й Круговой и Толстовской мы увидели трех парней. Заметив нас, двое из них бросились в одну сторону, а третий — в другую. Мгновенно решили преследовать двух убегавших. Задержали их. Оказалось, что это Новиков и его друг Болгарев.

Во время допроса в отдел пришел еще один потерпевший. Он рассказал, что трое преступников, угрожая ножом, сорвали с его руки часы. По приметам это были Новиков, Болгарев и Деревянченко. Фамилию последнего Болгарев назвал на допросе. Это был уже второй грабеж, совершенный ими.

Время шло к вечеру, и я решил на мотоцикле отвезти домой понятых, приглашенных для составления протокола. Отвез, а на обратном пути решил проехать к месту второго грабежа. Сворачиваю на улицу, которую указал потерпевший, и вдруг вижу: идет парень с мальчиком. Одет он был не в ту одежду, о которой говорил потерпевший, но по внешности напоминал Деревянченко.

Спрашиваю:

— Что это вы так поздно ходите с мальчиком?

А он потоптался на месте и отвечает:

— Домой иду.

— А где живете?

— На Народном проспекте, 28.

Ну, думаю, удача. Я уже знал, что как раз в этом доме и живет третий преступник.

— А как, — спрашиваю, — ваша фамилия?

— Деревянченко.

Тут уж сомнений быть не могло. Вызвал свистком постового и вместе с ним доставил грабителя в милицию. Там у него спрашивают:

— Зачем вы снова шли на место преступления?

— А я, — отвечает, — там плащ потерял. Вот и шел забрать его.

Тут ему плащ показали:

— Мы его уже привезли, позаботились. Ваш? — спрашивают.

Служба требует много времени. Восьми часов никак не хватает. Мой рабочий день начинается в семь часов утра. Но часто бывает так: придешь в отдел утром, а уходишь поздней ночью. Вдобавок ко всему этому я учусь в вечерней школе, тоже время надо. В общем, сутки заполнены до отказа.

И еще об одном хочу сказать. Очень редко, но все же бывает, что в работнике милиции видят придиру — «крючка». Есть, конечно, среди нас, как и среди людей любой другой профессии, сухари и формалисты. Но таких мало. Подавляющее большинство не щадит сил, а иногда и жизни, чтобы обеспечить безопасность жизни советского человека. И я думаю о глубоком уважении тысяч и

тысяч людей, которым помогла милиция, и которые, в свою очередь, помогают ей. Работа в милиции мне нравится, и ни на какую другую я ее не сменю.

НОВЫЙ НАЧАЛЬНИК

Поезд часто останавливается. Изредка кто-нибудь из пассажиров бредет к выходу, задевая чемоданом спящих на нижних полках людей. На его месте долго устраивается другой, только что вошедший. Медленно проходит проводник с зажженным фонарем в руке. Раздается трель кондукторского свистка, слышится протяжный гудок, и поезд идет дальше. В окне мелькают огни станции и поселка. Они становятся все реже и, наконец, исчезают совсем. Теперь в окна подрагивающего от быстрого хода вагона глядит лишь густая темнота ночи.

В вагоне все спят. Только к Алексею Николаевичу Быкову никак не приходит сон. Он ворочается с боку на бок, стараясь устроиться поудобнее, чтоб хоть немного вздремнуть. Беспокойные мысли теснятся в голове. Чем-то встретит его поселок? Что там за люди, которых он пока знает понаслышке? Сумеет ли он сработаться с ними, зажечь их, повести за собой?

Там, в Находке, где Быков проработал че-

тыре года, было уже все знакомо и привычно. Он хорошо изучил сотрудников, знал город. И жизнь, хотя и крайне беспокойная, шла, казалось, в размеренном, раз навсегда заданном темпе. Все изменил неожиданный вызов во Владивосток, новое назначение — начальником районного отдела милиции.

Быков припоминал беседы с руководящими работниками краевого управления внутренних дел. От него не скрывали трудностей. «Райотдел работает из рук вон плохо, — говорили Быкову. — По словам прежнего начальника, во всем виноваты сотрудники. Это, конечно, чушь. Дело там, в первую очередь, в самом начальнике, а коллектив в основном работоспособный. Все зависит от вас, товарищ Быков. Мы направляем вас потому, что уверены в ваших силах». На него надеются, ему, коммунисту Быкову, доверили сложный участок работы. И чтобы оправдать это доверие, он отдаст все свои знания и опыт.

«С чего начать?» — думает Быков. Ему невольно припомнилось, как умело руководил коллективом его бывший начальник подполковник милиции Кульчин, как постояннно заботился он об укреплении дисциплины, о воспитании подчиненных. Поддержки и помощи в этом деле он всегда искал у партийной организации, и Быков не помнил случая, чтобы это не приносило ему успеха. Недаром находкинская милиция считается одной из лучших в крае.

Прежде всего дисциплина, дисциплина в самом широком понимании этого слова. С нее и нужно начинать.

* * *

Первые дни на новом месте, как и всегда, были суматошными. Сразу же после приезда Быков с головой ушел в работу. Он принимал дела, побывал в райкоме партии и райисполкоме. Отрываясь от бумаг, заходил в кабинеты оперативных работников, дежурную комнату, приглядывался к людям. В отделе уже в первый день все узнали, что невысокий, плотно сбитый, черноволосый старший лейтенант будет их новым начальником, и поэтому встречали его несколько сдержанно, настороженно. Каждый думал про себя: «Каков же ты, товарищ Быков? Не окажешься ли ты любителем длительных «разносов», черствым к людям, кабинетным затворником?»

Быков старался преодолеть эту настороженность, заговаривал о самых простых будничных делах, интересовался, расспрашивал, вызывал на откровенность, старался завязать непринужденный разговор. Это помогало выяснять то, чего нет ни в одной бумаге, ни в одной справке: характер человека, его отношение к работе, к положению дел в коллективе, его заботы и нужды.

Как ни был загружен Быков, он выбрал вечер, чтобы лично убедиться в том, какой порядок в местном парке. По рассказам сотрудников он уже знал, что в районе есть три группы хулиганов. Они враждуют между собой, терроризируют жителей. Нередко парк становится ареной их «боевых действий».

Играл оркестр. По аллеям гуляли пары. Но нигде не было видно ни милиционеров,

ни бригадмильцев или комсомольских патрулей. «Пожалуй, я здесь единственный блюститель порядка», — усмехнулся Быков.

Не успел он пройти и сотни шагов, как мимо него стремглав пронесся молодой паренек. Следом за ним, бранясь, бежал другой. Настигнув первого, он повалил его на землю и, не обращая внимания на работника милиции, стал избивать. «Вот до чего дошло, — подумал Быков, — и милицейская форма не действует». Подбежав, он схватил избивавшего за шиворот и оттащил его в сторону.

— Чего тебе? — удивленно вскинул глаза тот.

— Нет уж, ты отвечай: что тебе от парня надо? За что бьешь?

— За что?! Н-не знаю.

Теперь удивился Быков.

— Как так не знаешь? А кто знает? Я, что ли?

— Савва приказал, вот и бью. Значит, заработал.

Быкову было известно, что «Савва» — кличка главаря одной из хулиганских групп. Но он не думал, что дебоширы в поселке настолько распоясались.

Случай в парке наглядно показал Быкову всю серьезность положения. Он еще глубже почувствовал ответственность, которая ложится на него, нового начальника. Необходимо было принимать самые радикальные меры. Первой из них был обстоятельный разговор с секретарем партийного бюро, с личным составом отдела на собрании. Речь шла

не только об охране общественного порядка. Коммунистов и беспартийных беспокоило, что много преступлений до сих пор не раскрыто. Говорили о слабой дисциплине, о том, что среди сотрудников есть люди, пренебрегающие своими обязанностями, не дорожащие авторитетом милиции. Особенно часто упоминалась фамилия участкового уполномоченного Гречкова, того самого, в участок которого входил местный парк. Нелестно отзывались об участковом Полякове. Высказывались нарекания в адрес оперативных работников, милиционеров. И эта искренняя тревога большинства людей за положение дел убеждала Быкова, что коллектив может работать, что ему под силу поставленные задачи. На собрании он так и сказал:

— Будем работать в том же составе, но по-новому. У нас должен быть такой порядок: приказано — выполнено. Это, конечно, не исключает личной инициативы каждого. Без инициативы, без огонька ничего не выйдет. Каждый должен осознать свою ответственность, с каждого я буду строго спрашивать. Ничто хорошее и ничто плохое не останется незамеченным.

После этого памятного собрания вопросы дисциплины еще не раз обсуждались коммунистами и всем личным составом. Одних удалось исправить, а других, скомпрометировавших себя в глазах населения и потерявших доверие коллектива, партийная организация рекомендовала освободить от работы в милиции. Эта линия получила поддержку партийно-советских органов.

Забегая вперед, скажем, что нарушения дисциплины в районном отделе становились все реже. Но борьба за крепкую дисциплину продолжалась. И как всякая борьба, она не обходилась без крутых мер. Участковый Гречков так и не сумел войти в общее русло, жить интересами коллектива. На него не подействовала критика товарищей, беседы с секретарем партийной организации Панкратенко и с Быковым, не подействовали дисциплинарные взыскания. Кончилось тем, что Гречков был уволен. А участковый уполномоченный коммунист Поляков признал ошибки, исправился и стал одним из лучших участковых. То же самое произошло с участковым Симаком.

В первые же дни райком партии и райисполком поставили перед Быковым задачу покончить с хулиганством.

Анализируя состояние общественного порядка, начальник райотдела пришел к выводу, что первую скрипку в хулиганском оркестре играют несколько «запевал», а остальные являются лишь слепыми исполнителями их воли. «Вожаки», оставаясь в тени и действуя чужими руками, уходили от ответственности.

Быков решил начать с «головы». По одному он вызывал к себе главарей хулиганов.

— Ты командуешь белореченскими дебоширами? — спрашивал Быков одного из них. — Больше командовать не будешь! А если кто из вашей группы учинит драку — спрошу с тебя. Ясно? Вопросы есть?

Вопросов обычно не было. Хулигану ста-

новилось понятно, что его раскусили и с ним не собираются церемониться.

Но работники милиции не ограничивались беседами. Они шли на предприятия, где работали дебоширы, вызывали их родителей. Этим самым было обеспечено воздействие на хулиганов и со стороны милиции, и со стороны рабочего коллектива, и со стороны родителей. Расчет оказался верным. Трое хулиганских заводил прекратили свою «деятельность», остепенились. Два наиболее злостных были арестованы и привлечены к уголовной ответственности. Хулиганские группы распались.

Еще в управлении Быкову сказали, что в районе плохо раскрываются преступления. Приехав на место, он убедился, что это так.

Долгими бессонными ночами он внимательно изучал каждый листок незаконченного уголовного дела. От него не ускользнула ни одна деталь, ни одна ошибка, допущенная при расследовании. Изучая дело о краже из магазина в одном из сел района, он обратил внимание на то, что, судя по материалам, скорее можно подозревать симуляцию кражи, чем саму кражу. Окно, через которое якобы проник в магазин преступник, открыть снаружи было невозможно. Никаких следов взлома при осмотре не обнаружили. Это обстоятельство вызвало у Быкова сомнение, которым он поделился с оперативными работниками. Они согласились, что версию о симуляции необходимо проверить. С этой целью в село приехал оперработник Бучанин. Предположение Быкова подтверди-

лось. Завмаг, совершивший растрату почти на двадцать тысяч рублей, стараясь уйти от ответственности, заявил, что магазин обворован.

Все дела по нераскрытым преступлениям Быков распределил между оперативными работниками. Начальник отдела все время был в курсе хода расследования по каждому делу. Он подсказывал, помогал, подталкивал. И нераскрытых преступлений становилось все меньше.

Однажды, почувствовав сильную усталость, Быков решил немного размяться. Он вышел во двор, взял две двухпудовые гири, которые привез с собой, и несколько раз приподнял, как бы примериваясь. Потом резким рывком выбросил их на грудь и стал попеременно выжимать.

Проходивший мимо сержант остановился и с восхищением посмотрел, как Быков легко, словно играючи, работает с гирями.

— А мы, товарищ старший лейтенант, — сказал он, — думали, что вы привезли какие-то вещественные доказательства.

Быков опустил гири на землю и усмехнулся.

— Это и есть вещественные доказательства регулярной тренировки. Нам нужны крепкие мышцы. Рекомендую и вам тоже заняться этим делом.

Поднимаясь к себе на второй этаж, Быков услыхал негромкий разговор. Речь шла о нем.

— Видал, как новый начальник гири бросает? — спрашивал один голос.

— Видел, — ответил другой. — С гирями у него здорово получается.

— И вообще видать мужик крепкий, толковый, не чета нашему старому. Всех заставил работать.

— Заставить других — дело нехитрое, — скептически возразил второй голос. — А вот как он сам преступления раскрывает, это еще неизвестно.

Слушать разговор о себе Быкову показалось неудобным, и он прошел в свой кабинет. Он подумал, что говорившие не знали принятого им решения: выезжать на каждое серьезное происшествие. Быков еще острее почувствовал, как от первой же удачи или неудачи будет зависеть его авторитет. Первое дело будет экзаменом. И этого экзамена он ждал с волнением, но без боязни.

Почти десять лет назад молодого старшину милиции, бывшего фронтовика Алексея Николаевича Быкова вызвал начальник.

— Думаем назначить вас на оперативную работу, — сказал он, испытующе поглядывая на старшину.

Быков смутился.

— Ваше дело. Я не возражаю. Но не рано ли? Ведь всего четыре месяца в милиции.

— Это не помеха. Настойчивость у вас есть. Способности тоже. А что не знаете — научим. Было бы желание.

Так Алексей Николаевич стал оперативным работником.

Вначале ему не давали самостоятельных заданий: больше разносил повестки, приводил задержанных, присматривался. Первый

допрос прошел неудачно: очень уж щекотливым было дело, и молодой парень просто стеснялся ставить нужные вопросы. Допрос пришлось заканчивать оперуполномоченному Бакшакову, у которого Быков работал помощником. Но с каждым новым делом старшина чувствовал себя все смелее, вместе с опытом приходила уверенность. Он постигал искусство всестороннего анализа полученных на месте происшествия данных, учился определять, с помощью каких орудий совершено преступление, и многому другому.

Через полгода Быков уже работал оперативным уполномоченным бывшего третьего отделения милиции гор. Владивостока. Потом школа милиции и снова Владивосток. Уже опытным работником Алексей Николаевич приехал в Находку. Теперь ему самому приходилось учить молодых работников оперативному мастерству. Это он делал всегда на живых примерах, показывая, как важно изучать психологию преступника, уметь поставить необходимый вопрос, поразить его своей осведомленностью.

— Был у нас такой случай, — рассказывал Алексей Николаевич сослуживцам. — Неизвестный преступник совершил крупную кражу из магазина. На месте происшествия мы нашли стамеску, которой вор взломал окно. Никаких улик больше не было. По подозрению в краже мы задержали одного гражданина. Никак не удавалось установить его виновность. Сам он ни в чем не сознавался. Но когда во время допроса я неожиданно положил перед ним стамеску, преступник был настолько ошарашен,

что прекратил запираться и дал правдивые показания. А что помогло раскрыть кражу 60 тысяч рублей из магазина? Самые обыкновенные опилки. Мы установили, что на преступнике не могло не остаться опилок, по которым он обязательно должен был пройти. Стали присматриваться к одежде и обуви подозреваемых, и действительно, у одного на брюках увидели опилки. Спрашиваем — откуда? Он замялся, стал вилять. Подозрения подтвердились. Именно он совершил кражу. Вывод прост: каждый умеет смотреть, но не каждый умеет видеть то, что нужно для дела. А без умения нет оперативного работника.

Даже когда Быков стал начальником, он не упускал случая лично выйти на место происшествия.

— Трудно давать правильные указания по делу, не побывав предварительно на месте,— говорил он, — это все равно, что если бы врач лечил больного, не видя его, руководствуясь только историей болезни.

Этому правилу он не собирался изменять и здесь. Но Быков не ожидал, что первое же преступление будет им вскоре раскрыто.

Как-то под вечер, когда рабочий день приближался к концу, в райотдел милиции обратился гражданин Волгарев. Он взволнованно рассказывал дежурному, что его трехлетний сын Саша в полдень вышел из дому поиграть и до сих пор не вернулся.

Ничего необычного в этом заявлении не было. Нередко дети, оставаясь без присмотра, уходят из дому и, увлекшись игрой, подолгу не возвращаются, доставляя немало

волнений родителям. Поэтому Быков, присутствовавший при разговоре, сказал встревоженному отцу:

— Может быть, ваш ребенок где-нибудь играет с другими детьми? Проверьте, пожалуйста, а если не найдете сына, тогда будем искать мы...

Наступил один из тех тихих осенних вечеров, какие бывают только в Приморье. В такой вечер хорошо посидеть с удочкой на давно облюбованном месте у реки, где ловятся «вот такие» сазаны, или покопаться в огороде, собирая обильный урожай — награду за летний труд, или просто посидеть на скамейке у дома, ни о чем не думая и только вдыхая пряный, немного терпкий аромат увядающей листвы. Работники милиции любят все это не меньше, чем другие. Но как редко бывают у них свободные вечера! Они должны охранять покой и рыболова, и того, кто мечтает, сидя на скамейке, и того, кто трудится у себя на огороде.

Разошлись на посты милиционеры. Ушли по своим делам оперативные работники. На город опустилась ночь, а в кабинете начальника райотдела по-прежнему горел свет. Наконец, Алексей Николаевич встал, с удовлетворением глянул на кипу просмотренных документов. Ну, что ж, сегодня сделано немало! Можно, пожалуй, и отдохнуть. Но тут он вспомнил о Саше Волгареве. Почему до сих пор не позвонил отец ребенка? Может быть, мальчик нашелся? Как бы отвечая на его мысли, зазвонил телефон. Говорил отец Саши. Он сообщил, что соседские ребятиш-

ки, с которыми играл его сын, давно вернулись домой. А Саши все нет, и никто не может сказать, где он.

Быков положил трубку. Ждать больше было нечего. Ясно одно: помощь милиции здесь необходима.

Вместе с участковым уполномоченным Буровиным, дежурившим по райотделу, Алексей Николаевич отправился на квартиру родителей Саши. Не надо было быть наблюдательным человеком, чтобы увидеть, как глубоко встревожены отец и мать ребенка.

Когда работники милиции вошли в дом, там находилась соседка Волгаревых — Щердакова. От нее Быков и Буровин узнали, что Саша играл с ее сыном, который давно вернулся домой.

— Чует мое сердце — в реке утонул, — говорила Щердакова. — А иначе где ему быть?

Что ребенок утонул в реке — было вполне вероятно. Ведь речка протекала в десяти-пятнадцати метрах от дома, а за детьми никто не присматривал. Могло случиться, что любопытство, свойственное детям, привело Сашу к берегу. Здесь он мог оступиться и упасть в воду, могла осыпаться под ним земля. Да мало ли что может случиться с трехлетним малышом!

Но Быкова насторожило другое. Во время беседы с родителями мальчика Щердакова то и дело вмешивалась в разговор, снова и снова повторяя, что ребенок утонул.

«Странно, почему она так настаивает на

этом? — думал Быков. — Почему так внимательно наблюдает, какое впечатление производят на нас ее слова? А может быть, это мне только показалось?» И Быков как ни в чем не бывало продолжал разговор, стараясь выяснить взаимоотношения Волгаревых и Щердаковой. Она, оказалось, часто ссорилась со своими соседями и никогда раньше к ним не заходила. Само по себе это, конечно, ни о чем не говорило. Ведь Щердакова сама мать и вполне могла понять горе другой матери. Разве нельзя забыть в такой день мелкие дрязги и ссоры и просто, по-человечески, посочувствовать соседям? Но в таком случае Щердакова должна стараться успокоить их, а не высказывать, как это она делала, самые худшие опасения.

Интуиция опытного оперативника подсказывала Быкову: проверь все, что вызывает подозрение. И он попросил Щердакову разрешить осмотреть ее квартиру. Эта просьба не вызвала никаких возражений.

— Пожалуйста, — спокойно сказала Щердакова. — Смотрите везде, чтоб меня ни в чем не подозревали.

И действительно, в квартире не было ничего привлекающего внимание работников милиции. Только одно показалось Быкову странным: почему так раскалена плита? Погода стояла не такая уж холодная, да и время было далеко за полночь. К тому же на плите ничего не варилось. Заинтересовали Быкова и царапины на стене, как будто плиту снимали. Перехватив взгляд Щердаковой, полный скрытой тревоги, Быков подошел к

плите, стал медленно отворять дверцы, не сводя глаз с хозяйки квартиры. Он увидел, как на лбу ее выступил пот.

Разворошив пепел, Быков увидел косточки, напоминавшие человеческие. Тогда он решил осмотреть печь более тщательно. Ее разобрали и за духовкой обнаружили несколько кусочков детского тела.

Быков оглянулся. Щердакова, как вкопанная, стояла посреди комнаты. Лицо ее было белее стены...

За окном начинало сереть. Где-то неподалеку громко прокукарекал петух, возвещая зарождение нового дня. Скоро зазвучат заводские гудки. По улицам двинутся горожане. Начнется обычный трудовой день. Начнется он и у Быкова, с той лишь разницей, что все пойдут на работу после отдыха, а начальник отдела милиции вот уже сутки не смыкал век.

— Пожалуй, все, — как бы подводя итог, негромко проговорил Быков, и, круто повернувшись к Щердаковой, резко спросил:

— Вы по-прежнему утверждаете, что ребенок утонул в реке?

Молчание было ему ответом.

С трудом удалось восстановить картину преступления. В полдень Саша играл с сыном Щердаковой, таким же трехлетним мальчиком. Как это часто бывает с детьми, ребятишки что-то не поделили между собой. Сынишка Щердаковой заплакал. Это вывело из себя Щердакову, которая вообще была в неприязненных отношениях с матерью Саши. Она набросилась на ребенка и стала нано-

сить ему побои, окончившиеся смертью мальчика. Испугавшись ответственности, она спрятала труп у себя на квартире, а потом вместе с сыном ушла в город. Когда Щердакова вернулась и убедилась, что родители убитого ребенка ни в чем ее не подозревают, она решила сжечь труп в плите.

Трудно сказать, было бы раскрыто убийство, не обладай Быков острой наблюдательностью, тонким знанием психологии человека, старающегося скрыть следы преступления.

Безупречно четкие и точные действия в этом деле укрепили авторитет нового начальника среди сотрудников отдела. Теперь они наверняка знали, что ими руководит не кабинетный теоретик, умеющий только поучать других, а опытный оперативник, не брезгающий «черновой» работой.

Прошло немного времени, и сотрудники привыкли к тому, что новый начальник лично участвует в раскрытии опасных преступлений. Их поражала неутомимость Алексея Николаевича. Многие удивлялись, как он успевает решать многочисленные оперативные, административные, хозяйственные вопросы, принимать граждан, чутко относясь к их просьбам и жалобам, и в то же время выезжать на каждое серьезное преступление.

Участвуя в раскрытии, он учил оперативников и участковых разнообразным методам розыскной работы, творческому подходу к делу. Его советы живо воспринимались не только потому, что исходили от начальника. Сотрудники знали: их дает человек,

имеющий на это моральное право, знаток и мастер милицейской службы.

Прошло лишь несколько месяцев, но какие перемены произошли в отделе! Его коллектив уверенно становился в число передовых. Завершилось раскрытие старых преступлений, а если случалось новое, то преступников быстро изобличали. Изменился весь стиль работы аппарата. Многих, видевших раньше свою обязанность только в том, чтобы отработать положенное время, будто подменили. Кипучая энергия начальника словно передалась подчиненным. Вопросами борьбы с преступностью стали заниматься все — от оперативного работника до рядового милиционера. Сообщение о совершенном преступлении стало для коллектива все равно, что для пожарной команды сигнал о пожаре. Каждый независимо от своей должности старался внести свой вклад в дело. И не случайно, например, милиционер Бабушкин ночью, в нерабочее время пришел в отдел, чтобы сообщить о появившихся в одной из квартир подозрительных людях. Когда их задержали, оказалось, что это матерые воры-рецидивисты, совершившие не одну кражу в различных районах края.

Об одной из причин такого резкого перелома хорошо сказал участковый уполномоченный Буровин: «Раньше как у нас было? Придешь к начальнику с докладом о положении на твоем участке, а он, вместо того, чтобы разобраться, помочь, устроит разнос. Толку от этого мало, а желание работать пропадает. Потом, конечно, подума-

ешь: работаешь-то не для начальника, а для государства. Ну и снова берешься. Но настроение уже не то. А у Алексея Николаевича подход другой. Он всегда разберется, подскажет. И разносов не слышно. Если кто провинился — потолкует, а иногда просто бросит несколько слов, да так, что лучше бы накричал».

Может, и не справиться бы самому Быкову, если б не опирался он на партийную организацию. И, в свою очередь, партийное бюро стало больше заниматься вопросами службы, искать пути к ее совершенствованию, поддерживать все новое, передовое.

...Когда казалось, что работа по всем линиям службы уже налажена, в местном парке произошел случай дерзкого хулиганства. Это был удар грома в ясную погоду. Почему же так получилось? Обезглавив хулиганские группы, работники милиции не довели начатое дело до конца и, бросив все силы на борьбу с преступностью, не заметили, как вновь стало выползать на свет притихшее было хулиганье. Да этого не могло не случиться. Сотрудники отдела в борьбе с нарушениями общественного порядка понадеялись главным образом только на себя, забыв, что без широкой помощи трудящихся милиция бессильна.

С тяжелым чувством шел Быков в отдел. Как он, которому государство доверило руководить охраной спокойствия и безопасности трудящихся района, мог позволить себе увлечься одной стороной дела и совершенно забыть о другой? Как мог он забыть о

большой силе общественности, допустить резкое ослабление связи отдела с нею? Что ж, это послужит ему и всему коллективу серьезным уроком.

О случившемся взволнованно говорили работники райотдела на совещании. Высказывались самые различные предложения и пожелания, а призыв начальника крепить связь с общественностью нашел горячий отклик.

Озабоченным ушел с собрания участковый уполномоченный Поляков. Это уже был не тот участковый, о котором когда-то плохо отзывались. Многое изменилось в его отношении к службе, в лучшую сторону изменились и сами результаты. И вот сейчас Поляков думал о том, что правильно говорил Быков. Бригадмильцы есть, но их мало, действуют они еще недостаточно смело, напористо. Разве поспеешь везде сам? Нет, нужно обратиться к партийным и комсомольским организациям предприятий, поднять молодежь, активистов, объявить хулиганам беспощадную войну.

И вот на партийном бюро одного из предприятий начался деловой разговор о том, как навсегда покончить в поселке с хулиганством. Секретарь партбюро обещал помочь подобрать в бригаду содействия лучших, надежных товарищей.

— Давайте заниматься этим сообща. И комсомольцы наши помогут. Это их кровное дело.

Такой же разговор состоялся и в партийных бюро других предприятий.

Вскоре стало ясно, что участковый пошел

по правильному пути. Бригада содействия милиции за короткое время выросла до шестидесяти человек. Костяк ее составили коммунисты и комсомольцы. Вошли в практику регулярные дежурства в клубе, патрулирование в поселке. Участковый продумал наиболее рациональную расстановку сил. Он разбил бригаду на группы по 7—8 человек. В каждой группе из числа лучших назначены старшие. Они заранее узнают у Полякова о предстоящем дежурстве, отвечают за действия своей группы. Каждые две недели бригадмильцы собираются на совещания. Участковый рассказывает об обстановке, ставит задачи на будущее.

Но Поляков понимал, что этого недостаточно. Он добивался более широкого участия рабочих и служащих в борьбе за порядок, продолжал посещать предприятия, рассказывать, убеждать. При поддержке партийных организаций начали работать два штаба общественности.

На улицах поселка появились комсомольские патрули. Это аванпосты комсомольского штаба предприятия. Более двадцати пяти комсомольских пятерок пресекают малейшее проявление хулиганства. На комсомольских собраниях предприятий ставятся вопросы борьбы с нарушениями общественного порядка.

Действенным помощником штаба и активным участником борьбы с хулиганством является городской «Крокодил». Безжалостная ирония, едкая сатира, карикатуры и фотографии хулиганов, пьяниц, дебоширов — на-

ше могучее оружие. Его, как огня, боятся нарушители общественного порядка. Однажды в «Крокодиле» была помещена злая карикатура на рабочих местной сплавной конторы. После этого ни один из них не рисковал появляться пьяным в общественном месте.

Комсомольский штаб опирается на широкий актив и постоянную поддержку комсомольцев и молодежи. Проводятся комсомольские активы, на которых обсуждается работа штаба.

Крепкая связь установилась между работниками милиции и райкомом комсомола. Комсомольский патруль действует в контакте с дежурным по райотделу милиции. Сотрудники райотдела — частые гости в райкоме комсомола. А начальник милиции нередко выступает с докладами в комсомольских организациях, перед молодежью предприятий и колхозов района.

Нарушения общественного порядка резко пошли на убыль. Борьба с ними стала повседневным делом общественности. Теперь легче и работникам милиции, реже поступают в отдел жалобы граждан на бесчинства хулиганов.

...Прошло около двух лет с тех пор, как Быков приехал в район. Отстающий когда-то райотдел вышел в передовые. Почти в два раза сократилось число различного рода нарушений общественного порядка. А нераскрытых преступлений в районе не стало. Это большая победа всего коллектива, который умело направил на решение трудной зада-

чи — борьбу с преступностью и укрепление общественного порядка — Алексей Николаевич Быков. Работники отдела милиции глубоко верят в своего начальника, видят в нем не только хорошего организатора, но и чуткого, отзывчивого товарища, настоящего коммуниста. Они видят, что Быков, борясь за твердую дисциплину в отделе, не боится уронить авторитет начальника простотой обращения с подчиненными. Он может пошутить, посмеяться или, засучив рукава, вместе со всеми разгружать уголь. Люди видят большую разницу в отношении к ним старого и нового начальников. Если прежний и слышать не хотел о личных просьбах подчиненных, то Быков рад пойти навстречу, помочь чем только возможно. Конечно, не всякая просьба выполнима. Но всегда обратившийся к Быкову за помощью или советом уносит от него тепло человеческого участия. А от этого и на душе легче, и работается лучше. На заботу начальника люди отвечают стремлением сделать больше.

—•—

МАЛЕНЬКИЕ И БОЛЬШИЕ

Таня и Паша с виадука смотрели вниз. Проехала тележка, на которой стоял дядя в белом переднике и с длинными, как у таракана, усами. Пыхтя и отдуваясь, выполз черный, чумазый паровоз и обдал детей клубами пара. Таня заплакала. Вслед за ней заревел Паша.

— Что плачете, ребятишки?

Таня обернулась и увидела присевшего на корточки человека. Он был одет так же, как сосед дядя Митя; когда Таня плакала, мама говорила: «Перестань, а то дяде Мите отдам. Он тебя в милицию заберет».

— Что ж вы молчите? Может, говорить не умеете?

— А вот и умеем, — сказала Таня, склонив голову набок и вытирая слезы.

— Тогда хорошо. Где же ваша мама?

— Моя мама дома, — серьезно ответила Таня.

— А твоя? — обратился человек к Паше.

Но тот только шмыгнул вздернутым носиком и смотрел исподлобья.

— И его дома, — ответила Таня. — А мы гуляем.

— И наверно не знаете, где живете?

— Нет.

— Тогда пойдем искать.

...Инспектор детской комнаты старший лейтенант милиции Валентина Владимировна Гомон собиралась идти на обед. Она уже оделась, окинула взглядом комнату, убеждаясь, что все в порядке. Через большое окно щедрым потоком лились солнечные лучи и, отражаясь от настольного стекла, играли на потолке веселыми зайчиками. Выстроились в ряд куклы: заводная плюшевая собачка, надувной петух, кошка... Под столом разместился гараж автомашин самых различных марок. А рядом стоял любимец маленьких посетителей — большой конь с белой гривой и роскошным хвостом. На столе — аккуратными стопками лежали книжки и игры. За перегородкой были видны кроватки, покрытые белоснежными простынями.

Валентина Владимировна направилась к выходу. Но тут дверь распахнулась, и в комнату вошел милиционер, держа за руки заплаканных девочку и мальчика лет пяти.

— Привел вам гостей, — весело проговорил он. — На вокзале встретил. Принимайте!

— Очень хорошо, — сказала Валентина Владимировна, снимая пальто. — Давайте знакомиться. Меня зовут тетя Валя. А вас?

Паша даже не слышал вопроса. Глаза его перебегали с одной игрушки на другую. Зато беленькая большеглазая Таня держалась спокойно, солидно.

— Я — Таня, — заявила она. — А это Паша. Он еще маленький. Ему четыре года.

— А тебе сколько? — с улыбкой спросила Валентина Владимировна.

— Мне уже пять.

— О, да ты совсем большая! Где же вы живете?

— Там...

И Таня неопределенно махнула рукой.

Валентине Владимировне такой ответ приходилось слышать не впервые. На этот случай у нее выработалась система вопросов, помогающая хотя бы приблизительно узнать место, где живет ребенок.

— Вы пришли или приехали?

— Приехали.

— На чем? На трамвае?

— Мы приехали по воде.

«Значит, на катере или на пароходе», — думает Валентина Владимировна.

— А когда ехали, вы спали?

— Нет.

Картина прояснилась. Дети, очевидно, приехали на катере с мыса Чуркин.

— Ну, Танюша, иди с Пашей поиграй. Видишь, он уже на лошадке катается.

Валентина Владимировна сняла телефонную трубку.

— Дежурный по Первомайскому райотделу милиции слушает.

— Здравствуйте, Гомон говорит. У меня здесь заблудившиеся дети — Таня пяти и Паша четырех лет. Живут, вероятно, в вашем районе. Фамилий своих не знают. Если обратятся родители — присылайте сюда.

Когда матери в слезах прибежали в детскую комнату, Таня и Паша так были увлечены игрой, что даже не обратили на них внимания.

Матери горячо благодарили за заботу о их детях.

А Таня, неохотно прощаясь, сказала:

— Тетя Валя, можно — мы к вам еще придем?

— Приходите, — с улыбкой отвечала Валентина Владимировна, — только вместе с мамами.

Таких заблудившихся ребятишек нередко приводят в детскую комнату Фрунзенского райотдела милиции, где работают инспектор В. В. Гомон и помощник инспектора Анисия Георгиевна Батурина.

Сколько детей — столько и характеров. К каждому ребенку нужно найти подход, уметь говорить с ним так, чтобы он понял тебя, а ты — его. И пока не появятся родители, дети чувствуют здесь то же тепло, ту же материнскую ласку.

Но есть у работников детской комнаты и другие, более сложные, чем розыск родителей заблудившихся детей, дела. Вот привели тринадцатилетнего Витю. Русый, кареглазый, живой и любознательный, он испытывает непреодолимое влечение к путешествиям. Детское живое воображение переносит его из теплой тихой квартиры во льды Антарктики, в тропические дебри, в пески африканских пустынь.

Чтобы повидать свет, Витя даже пытался устроиться юнгой на пароход. Но здесь его

из-за малого возраста постигла неудача. Витя же считал, что он достаточно взрослый, чтобы быть путешественником. Неудача на море не обескуражила его, и он решил начать исследование с суши. Трижды возвращали его из Уссурийска. Вместо уссурийской тайги он каждый раз оказывался в детской комнате. Здесь Анисия Георгиевна подолгу беседовала с ним. И, наконец, Витя понял, что для того, чтобы стать путешественником, нужно учиться, быть образованным человеком.

Есть среди ребят-«путешественников» чистые романтики. Но встречаются и такие, которые отправляются в дальние поездки, как только начинается учебный год. Работа с этой категорией любителей путешествий очень трудна. Нужны совместные со школой усилия, чтобы привить ребенку любовь к знаниям, к труду.

Работники детской комнаты не без основания полагают, что легче повлиять на ребенка тогда, когда плохие привычки лишь начинают появляться, когда плохое поведение — лишь результат подражания дурному примеру. Но ведь детей в районе очень много. Попробуй узнать наклонности каждого! Вдвоем с таким делом справиться просто невозможно. Вот почему Гомон и Батурина часто бывают в школах, присутствуют на заседаниях родительских комитетов, обращаются к учителям и родителям с просьбой сообщать о семьях, где плохо воспитывают детей. Со взрослыми из таких семей они беседуют, вызывают на заседания недавно соз-

данного при детской комнате совета общественности и даже на заседания специальной комиссии при райисполкоме.

Саше Р. ничего не стоило сорвать урок, нагрубить учителю, устроить драку в классе. Способный мальчик, он не успевал по всем предметам. Мать не могла справиться с Сашей, а отец махнул на него рукой и даже перестал являться в школу на вызовы классного руководителя и директора. Не пришел он и на заседание профсоюзного комитета, в который обратился педагогический совет школы.

Тогда работники детской комнаты пригласили его вместе с Сашей на комиссию при райисполкоме. Когда отец и сын вошли в комнату, все члены комиссии были в сборе. Тут были представители райисполкома, райкома партии, райкома комсомола, райотдела милиции, районный прокурор, представители общественности.

Сначала поговорили с Сашей. Он обещал исправиться, взяться за учебу и перестать хулиганить.

Потом взялись за отца. С первых же слов он заявил:

— Пусть делает, что хочет. Мне все надоело. Нервы не выдерживают.

И он раздраженно махнул рукой.

— Поэтому единственным средством воспитания вы и решили сделать ремень?

— Что ж мне его конфетами кормить?

— Кормить сына конфетами мы вас не заставляем. А вот поговорить с ним, убедить — это необходимо.

— Говорил, убеждал. Не помогает.

— Значит, мало говорили. Вместо того чтобы бить мальчика, нужно помогать ему в занятиях, чаще бывать в школе.

Серьезный разговор подействовал не только на сына, но и на отца. Он стал больше заниматься Сашей, и теперь учителя говорят, что Саша стал неузнаваем.

Сашу сумели вовремя заметить, помочь ему. Но иногда бывает иначе.

В семье тринадцатилетнего Коли Н. нет отца, а мать и тетка сами не отличаются хорошим поведением. Это не могло не отразиться на впечатлительном мальчике. Он бросил школу, стал хулиганить, воровать. И все это на глазах матери, молчаливое невмешательство которой Коля воспринимал как поощрение. Он стал частым посетителем милиции, куда его приводили за кражи. Старания работников милиции сводились на нет обстановкой в семье. Ребенка необходимо было изолировать, и его направили в детскую воспитательную колонию.

Однако мальчик, привыкший к «вольной» уличной жизни, не захотел смириться с распорядком, выполнение которого в колонии обязательно. Вскоре он сбежал и, появившись дома, с головой окунулся в прежнюю жизнь. Оставить Колю дома — значило окончательно погубить его. Решено было направить его снова в колонию. Работники детской комнаты с особой тщательностью подбирали сопровождающего. Больше всего для этой цели подходила кандидатура старшего сержанта милиции Топольницкого, любивше-

го детей и умевшего быстро завоевывать их уважение.

Ранним утром около дома, где жил Коля, остановилась машина. В ней сидели Гомон, член бригады содействия милиции при детской комнате Александра Петровна Щеголева и Топольницкий. Когда Колю посадили в машину, первое, что он сказал, было: «Папиросы мои возьмите. Я их дома забыл».

Мальчика привезли в детскую комнату.

— Значит, вместе в Уссурийск поедем, — обратился к нему Топольницкий. — До отхода поезда еще много времени. Будем ждать на вокзале или поедем ко мне пить чай?

Коля недоверчиво глянул на милиционера: уж не подвох ли?

— Ну как же, поедем пить чай?

— Поедем.

— А убегать не станешь?

— Не стану.

Поехали. Пили чай. Топольницкий говорил Коле о том, что в колонии он приобретет специальность, будет токарем или фрезеровщиком. А так что? Что ждет его впереди?

— Ведь ты уже взрослый парень. Сам понимать должен, — серьезно, рассудительно говорил Коле милиционер. — Трудящийся человек у нас в почете, а лодырей, бездельников никто не любит. А чтоб ты не забыл о нашем разговоре, вот возьми на память книжку и фонарик.

В Уссурийском детприемнике книжку и фонарик хотели забрать — таков порядок. Но Коля насупившись сказал:

— Не отдам. Это дяди Васи подарок.

Так с книжкой и фонариком он лег спать. Теперь Коля живет в колонии, учится и приобретает специальность, чтобы стать трудящимся человеком. С подарками Топольницкого он не расстается.

Много детей прошло через заботливые руки работников милиции. Нелегко бывает подчас находить путь к детскому сердцу, подбирать ключик к непосредственной и своеобразной детской душе. Только хорошие, по-настоящему чистые и честные люди могут сделать это. Борьба за маленького человека оборачивается большой победой, когда из него вырастает достойный член советского общества. Для работника милиции — это самая высокая награда в благородном деле, в котором они берут пример с замечательного чекиста Феликса Эдмундовича Дзержинского.

В ОДНОМ СТРОЮ

ОБХСС... От этих пяти букв бросает в дрожь и жулика-завмага, и кладовщика, отпускающего товар «налево», и прораба, выписывающего фиктивные наряды, и матерого гастролера-спекулянта. Означают эти буквы — отдел борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией. Люди, с которыми приходится иметь дело работникам ОБХСС, не похожи на верзилу-грабителя с ножом в руках, наглого и жадного квартирного или карманного вора с челкой немытых волос, спускающихся на глаза, и коронками во рту. Расхитители социалистической собственности вежливы, обходительны, а зачастую веселы, остроумны и беззаботны. Но они тоже грабят, тоже залезают в карман, только не к одному человеку, а ко всему народу, к государству. Они используют каждую щель, чтобы урвать кусок послаще и пожить на широкую ногу за чужой счет. А мы, презирая их, часто проходим мимо и не закрываем этих щелей. Мы нередко молчим, видя, как продавец обве-

шивает покупателя на несколько граммов, когда кассир недодает несколько копеек, когда завышают сортность продуктов или промышленных товаров, когда с заднего двора магазина выносят то, что не попадает на прилавок. «Стоит ли связываться», — говорим в таких случаях мы, и — не связываемся. А вмешаться стоит, потому что они, эти ловкачи и прохвосты, пользуются нашим благодушием, наглеют, крадут уже не копейки и граммы, а тысячи и десятки тысяч государственных рублей.

Вот с такими-то людьми и ведут борьбу работники ОБХСС. Успеха они достигают тогда, когда имеют самую широкую связь с трудящимися, всегда и во всем пользуются их помощью и поддержкой. Именно так работают сотрудники отделения борьбы с хищениями социалистической собственности Находкинского городского отдела милиции.

Трудна работа оперативного уполномоченного ОБХСС. Если грабеж или квартирная кража «кричат» о себе, то замаскированное хищение заметить нелегко. Бывает, что предприятие или магазин выполняет план, числится на хорошем счету, а между тем здесь скрыто орудует шайка ловких дельцов, умело создающих впечатление благополучия и в то же время обворовывающих государство. Тут, будь ты хоть семи пядей во лбу, без помощи общественности не обойтись. Но, предположим, тебе подсказали, что такой-то живет явно не по средствам. Видимо, человек нечист на руку. А попробуй доказать это! Ведь даже схваченный за руку, расхи-

титель иногда пытается утверждать, что он ни в чем не виновен. Что же говорить, если нет никаких доказательств, а есть лишь одно подозрение. И приходится изучать технологию производства, систему оформления документов, просиживать сутками над толстыми томами бухгалтерских книг, устанавливать способ хищения и каналы сбыта похищенного. И только когда есть бесспорные доказательства вины подозреваемого, можно просить у прокурора санкцию на арест.

...На втором этаже Находкинского горотдела милиции есть две комнаты, плотно уставленные письменными столами. Здесь расположено ОБХСС.

Начальника отделения — Николая Ивановича Парамонова — уважают в коллективе за его трудолюбие, живой, острый ум и товарищески простое обращение с подчиненными. Сослуживцы ценят организаторские способности Парамонова, внимательно прислушиваются к каждому его совету и замечанию.

Путь в ОБХСС старшего лейтенанта милиции Андрея Алексеевича Глухова лежит через восемнадцатилетнюю службу в рядах Советской Армии. Он начал солдатом, а ушел в запас офицером. Только третий год работает Глухов в милиции, но уже овладел всеми тонкостями новой профессии и прочно занял место в ряду лучших оперативных работников края.

По путевке райкома комсомола пришел в милицию бывший машинист-экскаваторщик, а ныне старший оперативный уполномочен-

ный ОБХСС старший лейтенант Владимир Петрович Ковбаса. Многое он узнал за шестилетнюю службу в органах милиции, научился разгадывать уловки охотников до народного добра, раскрывать самые запутанные преступления.

В Находкинском ОБХСС можно видеть старшего оперативного уполномоченного капитана милиции Андрея Ивановича Дурнева, оперуполномоченного лейтенанта милиции Владимира Петровича Перепелкина, не один год проработавших в милиции, и самого молодого работника — недавнюю студентку Ростовского-на-Дону финансово-экономического института Елену Петровну Колесниченко.

Всех их связывает деловая дружба, помогающая этому небольшому коллективу делать большое, нужное для государства дело, преодолевать трудности, связанные со специфической работой отделения.

А трудностей этих немало. Находка — молодой, растущий город. Здесь десятки промышленных предприятий, крупных складов, торговых и строительных организаций, несколько перевалочных баз, через которые проходят десятки тысяч тонн ценных грузов для различных пунктов дальневосточного побережья и районов Крайнего Севера.

Кипит жизнь в торговом и рыбном портах, к причалам которых швартуются рыболовные суда и многопалубные океанские лайнеры.

К этому могучему трудовому организму, как клещи, присасываются беззастенчивые жулики, ставящие перед собой единственную

цель — дать поменьше, урвать побольше. Такого жулика-клеща надо найти и обезвредить. С успехом делает это отделение борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией.

Просматривая документацию расположенной в Находке торгово-закупочной конторы Камчатского облрыболовпотребсоюза, Николай Иванович Парамонов обнаружил несколько претензий, поступивших с Камчатки. В них говорилось, что в получаемых грузах отмечаются крупные недостачи. Вместо товаров оказываются кирпичи и пустые коробки. В то же время никаких следов нарушения упаковки нет; контрольные ленты грузоотправителя не повреждены. Сообщались номера сопроводительных документов.

Парамонов стал выяснять, кто отправлял грузы из Находки. Ему бросилось в глаза, что почти все места, при вскрытии которых грузополучатель обнаружил недостачу, прошли через руки экспедитора Котова. Случайно ли такое совпадение? Это надо выяснить.

Стали изучать Котова. И тут всплыли обстоятельства, усилившие подозрения оперативных работников. На свои шестьсот рублей в месяц Котов вел самый широкий образ жизни, покупал дорогостоящие, далеко не первой необходимости вещи, жил в богато обставленной квартире. Близко знавшие его люди поговаривали, что на сберегательной книжке у скромного эспедитора лежит очень значительная сумма, объяснить происхождение которой никто, однако, не брался.

Все это было очень важно, но никак не доказывало вины Котова. Требовалось более глубокое изучение дела.

Толчком к бурному развитию событий послужило сообщение о том, что Котов поздней ночью доставил со станции Находка на склад новую партию грузов. Заведующему складом некоторые ящики показались слишком легкими, а другие, наоборот, слишком тяжелыми, и он решил отложить прием груза до утра.

На склад немедленно выехали Глухов и Дурнев. В их присутствии ящики после предварительного тщательного осмотра были вскрыты. В некоторых были заложены кирпичи. Хищение — налицо. Произойти оно могло или при упаковке груза, или во время перевозки. Не исключалась возможность хищения при доставке груза от станции на склад. В таком случае вскрывать ящики должны были не торопясь, где-нибудь в спокойном, укромном месте, так как следов вскрытия даже при самом придирчивом осмотре обнаружить не удалось.

Кто был связан с доставкой груза на склад? Котов утверждал, что груз получали и перевозили четыре человека: два шофера, грузчик Шупин и он сам. То же самое заявили Шупин и шофер Косухин. Работники склада подтвердили, что на станцию уехали четыре человека.

Чтобы проверить это, на станцию поехал сам Парамонов. На товарном дворе он узнал, что груз получали шестеро. Работники товарного двора обрисовали внешность всех

шестерых. Двое неизвестных имели довольно характерные приметы: один из них был рыжий с лысиной, второй отличался сильным украинским акцентом. Работница товарного двора слышала, как кто-то из них спрашивал: «Где курочить будем?»

Пока Парамонов беседовал со станционными работниками, на складе действовал старший лейтенант Ковбаса. Ему удалось выяснить весьма существенные обстоятельства. Одна из двух ездивших на станцию машин вернулась на склад на три часа позже другой, хотя загрузилась одновременно. Именно эта машина привезла ящики с кирпичами, и именно на ней ездили Котов, Шупин и Косухин. Когда их спросили о причине задержки, они сказали, что в дороге пришлось ставить новую камеру.

«Неужели на это потребовалось три часа?» — усомнились оперативные работники. Они решили провести следственный эксперимент. Глухов предложил Косухину на его глазах размонтировать колесо, заменить камеру и водворить колесо на место. Сам Глухов стоял с часами около машины. Как ни тянул Косухин, меньше чем через час работа была закончена. В оправдание пришлось срочно придумывать новую версию. По словам Косухина, со станции они возвращались по другой, более длинной дороге. Поверить в это было невозможно: ни один водитель не стал бы выбирать худшую, по существу непроезжую дорогу, которая, к тому же, в полтора раза длиннее прямого наезженного пути.

Котов, Щупин и Косухин все больше за-

путывались в своих показаниях, противоречили сами себе и, несмотря на то, что их то и дело уличали во лжи, упорно все отрицали.

В это время произошло событие, ускорившее развязку. Возле дома Косухина играл соседский мальчик, лет двенадцати. Он был очень взволнован: в отдушине, ведущей в погреб косухинского дома, окотилась кошка. Ему хотелось во что бы то ни стало достать из отдушины котят и перенести их к себе домой. Когда два котенка уже были извлечены на свет и мальчик полез за очередным, его рука наткнулась на что-то гладкое, твердое, никак не похожее на мягкий и теплый живой комочек. Он потянул предмет к себе и вытащил... пару совершенно новых мужских ботинок. Со своей находкой Витя побежал к матери. Та рассказала о случившемся сослуживцам. Один из них немедленно позвонил в милицию. И вот Парамонов и Ковбаса нагрянули к Косухину с обыском. Разочарованными вышли они из дома. Кажется, осмотрели все закоулки и ничего не нашли. Может, слух о находке мальчика ложный? Надо побеседовать с Витей.

Хозяйки дома не было. Мальчик сидел у стола и читал книгу.

— Здравствуй, Витя! — сказал Парамонов, открывая дверь.

— Здравствуйте, — ответил тот, удивленно глядя на незнакомых дядей. Он поднялся, не выпуская книги из рук.

Парамонов увидел заголовок.

— О, да ты о разведчиках читаешь! Хорошая книжка.

Лицо мальчика оживилось:

— А вы читали ее?.. Того шпиона поймают?

— Обязательно поймают! — улыбнулся Парамонов. — А ты хотел бы их ловить?

— Кого? Шпионов?!

— Ну, не шпионов, а... тоже нехороших людей. — Парамонов подошел к мальчику и положил ему руку на плечо.

— Поймать-то ты, конечно, не поймаешь. А вот помочь можешь. Скажи-ка, ты вчера ничего не находил?

Витя рассказал о том, что произошло с ним накануне.

Он показал Парамонову и Ковбасе найденные в отдушине ботинки. Да, это были ботинки из той самой партии, которая входила в расхищенный груз. Значит, при обыске чего-то не доглядели, где-то допустили ошибку.

Парамонов и Ковбаса вышли на улицу и снова направились к дому, где жил Косухин. Вот та самая отдушина, о которой только что рассказывал Витя. Она должна выходить в погреб. Но ведь они уже побывали там и никакой отдушины не видели. Придется спускаться еще раз.

Оперработники еще и еще раз внимательно осматривают погреб. Вот здесь, на этой стенке должно быть отверстие, но его нет. Косухин, нервно поеживаясь, стоит немного поодаль. Парамонов костяшками пальцев постучал по стенке.

— Пусто, — невозмутимо констатировал он и, обернувшись к Ковбасе, сказал:

— Давай-ка, Владимир Петрович, сорвем доску.

Доска была сорвана.

— Хороший тайник, — сказал Ковбаса, заглядывая в образовавшееся отверстие. — Корову можно спрятать. — Он осветил фонариком стены, пол и добавил: — Только и здесь ничего нет.

— Как ничего нет?! — поразился Косухин. — А... — Он поспешно захлопнул рот, но было уже поздно.

— А где ботинки, вы хотите сказать? — любезно осведомился Парамонов. — О них у нас будет особый разговор.

Видя, что дальнейшее запирательство бесполезно, Косухин заговорил. Он рассказал, как по пути на станцию в машину сели знакомые Котова — Ищенко и Соколовский. Погрузив на товарном дворе станции ящики и отправив вторую машину вперед, Котов, Ищенко, Соколовский, Шупин и Косухин поехали по другой дороге. По указанию Котова машина остановилась у разваленного дома. Здесь сняли несколько ящиков, осторожно вскрыли их и вытащили двадцать одну пару ботинок и четыре шубы. Вместо вынутых товаров положили кирпичи. Потом ящики осторожно и тщательно заделали и вновь погрузили на машину. Похищенное завезли к старикам Коруновым и отправились на склад. Все, казалось, учли преступники. Забыли они только об одном — о том, что их окружают честные и бдительные советские люди. Они не подумали, что заведующий складом заподозрит неладное, что работни-

ки товарной конторы станции запомнят, кто получал груз, что двенадцатилетний мальчуган поможет работникам милиции разоблачить Косухина. Каждый раз, идя на новое преступление, они старались сделать все возможное, чтобы замести следы. До поры, до времени это им удавалось. Но, как говорят в народе, сколько веревочке ни виться, а концу быть.

Третье после начала расследования утро было утром обысков. Проводились они у всех членов шайки одновременно и были настолько неожиданными, что никто из преступников не успел припрятать похищенное.

Оперативные работники уже знали, кто такие Ищенко и Соколовский. Оба они раньше были судимы, а сейчас нигде не работали. Отбывал наказание за кражу и Котов. Чтобы пробраться на материально-ответственную должность, он скрыл свою судимость.

В обысках квартир преступников участвовали не только сотрудники ОБХСС. К делу подключились все службы милиции. Это была серьезнейшая операция, и результаты ее превзошли ожидания. Дело в том, что недавно в городской отдел поступило сообщение о хищении отправляемых на Север подушек. И вот, кроме похищенных шуб, ботинок и прочего, у каждого из участников шайки оказалось по одной-две перины, а у стариков Коруновых их было даже три. Когда к Коруновым пришли с обыском, по комнате у них летал пух. Видимо, хозяева только что окончили набивку новой перины. Это был дом,

где чаще всего вскрывались ящики с товарами, где хранилось похищенное и производился «дележ» добычи. Трудно сказать, зачем понадобились ворованные товары вполне обеспеченным людям. Только невероятная жадность толкнула их на серьезное преступление. О жадности говорит и ящик чая, обнаруженный во время обыска на чердаке. Этот чай Коруновы купили еще во время денежной реформы и за прошедшие десять лет смогли израсходовать только половину.

Итак, список найденных у преступников разворованных вещей пополнился перинами, явно сделанными из расхищенных подушек. Каждая перина стоила в среднем тысячу рублей, а все вместе они давали весьма значительную сумму.

Судя по документам, перевозкой подушек занимался экспедитор Галанов.

— Убежден, — уверенно говорил Галанов на допросе, — в недостаче виновна фабрика. Не хватает-то подушек во всех тюках, а не в нескольких. Котов к получению подушек не имеет никакого отношения, и вообще это абсолютно честный человек.

А в это время «абсолютно честный человек» уже был арестован. Такой же «честностью» отличался и сам Галанов. Он и его сообщники — Елесин и Маньков — упорно отрицали свою вину до тех пор, пока не убедились, что оперативные работники располагают неопровержимыми доказательствами. Видя, что игра проиграна, они сознались в совершенном преступлении. Подушки расхищались таким же образом, как и другие

товары. Руководили хищением Котов и Галанов. Организаторы и участники шайки понесли заслуженное наказание.

Это лишь одно из целого ряда дел, удачно проведенных работниками Находкинского ОБХСС. Успех приносила коллективность действий, инициатива каждого в отдельности, помощь честных граждан.

Работников отделения знают сотни жителей города. Это помогает оперативникам видеть и слышать больше, точнее бить в цель.

Жарким летним днем Андрей Алексеевич Глухов шел на обед. Заскрипели тормоза, и около Глухова остановилась автомашина. Из кабины выглянул знакомый шофер:

— Садись, Андрей, подвезу.

По дороге разговорились.

— Присмотрелся бы ты к шоферу Кущенко, — говорил водитель. — Уж больно деньгами сорит. Вчера вчетвером в ресторане оставили семьсот рублей. Расплачивался Кущенко. А когда сказали, что отдадим в получку, он только рукой махнул. Раз я угощаю, говорит, никаких денег не надо.

Разговор запомнился Глухову. Он стал интересоваться Кущенко. Как-то тот был направлен на перевозку цемента со склада на растворный узел. Глухов, уже с утра наблюдавший за ним, увидел, как шофер поехал в противоположную сторону. Учитывая, что машина может вернуться только по этой же дороге, оперуполномоченный пошел навстречу. И действительно, вскоре он увидел возвращавшуюся машину. Цемента на ней уже

не было. Ясно, что цемент пошел «налево». Купить его мог только тот, кто в нем нуждается — индивидуальный застройщик. Глухов неторопливо шагал по дороге. Глазами он искал строящийся дом. Вот почти законченный дом Сторожева. Толкнув калитку, Глухов вошел во двор. Хозяин был занят работой. Глухов поздоровался, завел разговор о постройке.

— Сам хочу строиться, — объяснил он, — вот и интересуюсь. Это что у вас — место для печки?

— Для печки, — охотно откликнулся Сторожев.

— А почему не кладете?

— Да цемента для фундамента нет, — с сожалением вздохнул хозяин.

Глухов заглянул в подполье и увидел угол прикрытого досками цементного мешка.

— Так вот же у вас цемент, — сказал он, кивая на подполье.

— Сколько того цемента! Пара мешков.

— Ну-ка, вытащите их, — потребовал Глухов, показывая удостоверение.

Сторожев, растерянно моргая глазами, полез в подполье. На свет были извлечены один за другим десять мешков. Только вытащил их Сторожев совсем из другого места.

— А теперь с той стороны.

Появилось еще пятнадцать мешков.

— Как же так? Говорили — цемента нет, а у вас его целых двадцать пять мешков.

— Да вот купил...

— У кого купили?

— У какого-то шофера. Номер машины не помню.

— Хорошо, пусть пока полежит. — И Глухов направился к калитке.

Ну, что ж, начало удачное. По маркировке видно, что цемент тот самый. Но ведь на машине лежало не двадцать пять мешков, а гораздо больше. Где же остальные? Андрей Алексеевич пошел дальше.

Вот у дороги рассыпано немного цемента. Мешок, видно, прорвался, и цементная дорожка потянулась во двор. Здесь строится Петров, которого Глухов немного знает.

Оперативный уполномоченный застал хозяина в сарайчике за домом. Тот с места в карьер стал жаловаться на трудности строительства: не хватает того, сего, и, между прочим, цемента.

— Как же так, — удивленно развел руками Глухов, — говоришь, цемента не хватает, а сам рассыпаешь.

Петров покраснел, отряхнул руки от цементной пыли и проговорил:

— Ну, ладно. Раз неумно сделал — скажу. Купил десять мешков у шофера Кущенко. Номер машины вот только не помню.

— Я знаю, — вмешался в разговор сын Петрова и назвал номер.

— Откуда вы узнали, что шофер продает цемент? — спросил Глухов.

— Сторожев подсказал.

Все вместе пошли к Сторожеву. Тот, видя, что уличен, признался: да, он действительно посоветовал Петрову купить у незнакомого шофера цемент.

— Кому еще продавали? — спросил Глухов.

— Не знаю, — угрюмо буркнул Сторожев.

Тут снова вмешался сын Петрова.

— Я знаю, куда дядя Сторожев с шофером ездили.

Припертый к стене, Сторожев рассказал, кому с его помощью шофер продал цемент. Так были найдены все семьдесят украденных мешков.

Теперь можно было отправляться за Кущенко. Когда он вернулся в гараж, Глухов предложил ему ехать с ним. Приехали в городской отдел милиции. Шофер, отвечая на вопросы Глухова, рассказал, где получал цемент, куда возил и сколько сделал рейсов. По его словам выходило, что он честно проработал весь день. В подтверждение он показал оформленную по всем правилам путевку.

Вызвали прораба с растворного узла.

— Вы подписывали путевку Кущенко? — спросил у него Глухов.

— Я. А что?

— Вы знаете, сколько он сделал рейсов? Считали их?

— Считать-то мне некогда. Спросил у рабочих: говорят — возил. Я и подписал.

Все было ясно. Глухов не только уличил Кущенко в хищении. Он нашел ту лазейку, пользуясь которой жулик расхищал принадлежавшие государству строительные материалы. Случившееся еще раз показало ему, сколько вреда приносит порочная система безконтрольности и безответственности на

производстве. Эту систему нужно было ломать. Своими соображениями он поделился с товарищами по работе, а потом в партийно-советские органы были направлены предложения об изменении системы контроля за доставкой строительных материалов.

Глухов вместе с Кущенко на машине поехал в поселок, где тот продавал цемент.

— Стой! — сказал Глухов, когда машина поравнялась с домом Сторожева. — Зайдем к хозяину.

— Знаете вы этого человека? — обратился он к Сторожеву, указывая на Кущенко.

— Первый раз вижу, — ответил тот, отводя глаза от работника милиции.

— Ну, ничего. Я вас познакомлю. А пока давайте грузить цемент на машину.

Началась погрузка. Отнесли два мешка. И тут Сторожев не выдержал.

— Слушай, — обратился он к Кущенко, — ты деньги-то мне вернешь? Пропадать им, что ли?

Глухов расхохотался. Тут же, приняв серьезный вид, он спросил у шофера:

— К остальным сам повезешь или мне показывать?

— Сам, — со вздохом ответил Кущенко.

Цемент окончили собирать уже за полночь. Андрея Алексеевича не покидала мысль, что сделано еще не все. В отделе имелись сведения о хищениях в этой же организации кирпича. «Может, и это дело рук Кущенко? Надо попробовать, — подумал Глухов. — Может, и клюнет».

— А ведь ты, Кущенко, и кирпич прода-

вал, — обратился он к шоферу, который невесело всматривался в темную дорогу.

Кущенко молчал. Подождав немного, Глухов продолжал:

— Ты знаешь Рака?

— Никаких раков я не знаю, — ответил водитель.

— Как не знаешь? Вон там, на повороте, стоит кирпичный дом Владимира Петровича Рака.

— Ну и что? Причем тут Рак?

— Притом, что ты ему кирпич продал.

— Продал, — вздохнул Кущенко. — Семьсот штук.

— А Рак говорит, две с половиной тысячи.

Кущенко возмутился.

— Пусть не врет. Всего две.

Когда, погрузив кирпич, выезжали от Рака, у шофера дрожали руки. Его явно сбила с толку осведомленность Глухова, и он мечтал теперь только об одном — быстрее закончить эту поездку. Но Глухов думал иначе. Возле строящегося дома Кременка он спросил:

— А этому сколько продал?

— Не помню. Кажется, машину.

Зашли к Кременку, хорошо знавшему оперуполномоченного.

— Здравствуйте, товарищ Глухов, — с преувеличенным радушием приветствовал он позднего гостя. — Проходите в хату.

— Я к вам по делу, — ответил Андрей Алексеевич. — Этого гражданина знаете?

— Да. А что случилось?

— Сознавайся уж, — вмешался шофер. —

Кирпич у меня покупал и четыреста рублей заплатил.

— Не четыреста, а четыреста двадцать пять, — с ноткой возмущения поправил Кременок...

Только под утро возвращался Андрей Алексеевич домой. В его распоряжении было два-три часа. А потом снова нужно идти в отдел, оформлять документами проведенную операцию. За эти сутки он вернул государству три с половиной тонны цемента и пять тысяч штук кирпича.

Осторожно, стараясь не зашуметь, Глухов открыл дверь и прошел на кухню. На столе лежала записка: «Андрюша. Тебя не дождались, легли спать. Ужин на плитке. Ты обещал мальчикам куда-то пойти с ними. Витя все выглядывал в окно. Если придешь не особенно поздно — разбуди меня».

Глухов невольно глянул в окно. На фоне просветлевшего неба четко выделялись контуры пологих сопок. Начиналось утро. Над крышами домов прокатился басовитый гудок судовой сирены. Скоро зазвучат и заводские гудки. Выйдет в море рыбак, станет к станку рабочий, колхозник отправится на поле. Все они, каждый на своем участке, стремятся сделать Родину краше, богаче, могущественней. И в одном строю с ними, нередко отказываясь от сна и отдыха, трудятся работники ОБХСС. Пусть их труд менее заметен и плоды его видят далеко не все, но они делают одно общее со всем народом дело.

НОЧНОЙ ВЛАДИВОСТОК

Город засыпает. В домах гаснут огни. На ночных улицах все меньше прохожих. Не слышно шума голосов, закрыты двери магазинов, кинотеатров. Перемигиваются фонари, раскачиваемые ветром, несется гулкое эхо по пустынным улицам, колышутся зыбкие тени деревьев, лунные дорожки, переброшенные через залив...

Не замирает жизнь лишь в порту, где стальные руки кранов легко подхватывают многотонные грузы и опускают их в темные трюмы. Слышно равномерное дыхание цехов большого завода. Гудят, как пчелиные ульи, железнодорожный и морской вокзалы. Катит, шелестя шинами по асфальту, автомобиль с надписью «Хлеб». Его водителя молчаливым поднятием руки приветствует постовой милиционер, медленно вышагивающий посередине улицы. Они всегда здороваются, хотя ни разу не обмолвились ни словом, просто привыкли видеть здесь друг друга каждую ночь.

Днем и ночью несут боевую вахту стражи

спокойствия и безопасности трудящихся — милиционеры. Незримые нити тянутся от постов в дежурные комнаты райотделов милиции, а оттуда — к дежурному по краевому управлению внутренних дел. Он держит руку на пульсе спящего города и всего края. Стоит случиться какому-нибудь происшествию, как оно становится известным дежурному по управлению. И пока на место происшествия не прибудет оперативная группа, он будет беспокоить, тормошить дежурного райотдела, при надобности подключит к работе сотрудников управления.

...Эта ночь выдалась беспокойной. Около одиннадцати часов вечера в дежурную комнату госавтоинспекции вбежал запыхавшийся человек.

— Угнали мою машину, — прямо с порога заговорил он. — Понимаете, только зашел домой, слышу — заработал мотор. Кинулся на улицу, а машины и след простыл.

О случившемся немедленно доложили дежурному по управлению. В ту же минуту на рациях, установленных в милицейских автомобилях, под прозрачной табличкой с надписью «Вызов» вспыхнули сигнальные лампочки.

«Всем, всем... Искать «Победу» номер... Шоколадного цвета. Задержание сообщите». По улицам засновали синие с красными полосами машины. Поиски продолжались час, второй... И никто не мог доложить, что хотя бы видел угнанную «Победу».

* * *

Район станции Седанка. Машина, в которой находятся старший госавтоинспектор Фрунзенского райотдела милиции Степаненко, шофер с угнанной машины Клименков, старшина Щербаков и сержант Заморока, быстро мчит по асфальтовой дороге. Степаненко решил искать в дачной местности. Вот навстречу, освещая дорогу слабым светом подфарников, идет автомобиль. Как только машины разминулись, встречная «Победа» развернулась и пошла следом за милицейским автомобилем. Через несколько секунд, догнав машину Степаненко, «Победа» снова развернулась и стала быстро удаляться.

«Почему она так крутится?» — подумал Степаненко и, обращаясь к Замороке, сидевшему за рулем, сказал:

— А ну давай за той «Победой».

Пока разворачивались, «Победа» исчезла, как в воду канула. Внимательно всматриваясь в полотно дороги, автоинспектор заметил на песке у обочины следы шин. Окинув взглядом окрестность, Степаненко увидел две машины, стоявшие рядом.

Едва милицейский автомобиль свернул с дороги, чтобы подъехать к ним, одна из машин рванулась с места, проскочила мимо и исчезла в темноте.

Гнаться за ней? Сначала нужно выяснить, что с машиной, оставшейся на месте. Из кабины выскочили два человека и пустились наутек. Степаненко, Щербаков и Клименков соскочили на землю и бросились за ними. Догнать убегавших не удалось. Степаненко даже сбил с ног одного из них, но тот вы-

вернулся и скрылся. Автоинспектор только успел заметить одежду и фигуру убегавшего.

Подойдя к оставленной «Победе», Клименков с радостью узнал свою машину.

Автомобиль найден. Теперь надо искать похитителей. Кто-то из них, видимо, уехал на второй «Победе». Вероятно, она успела уйти далеко. Но Степаненко решил догонять. Он сообщил об этом по радио и просил перекрыть дорогу на контрольно-пропускном пункте

Началась погоня. Стрелка спидометра поднималась все выше. Вот она остановилась на цифре «90» и медленно поползла дальше. Сто... сто десять километров. По сторонам с бешеной скоростью пролетали черные стволы деревьев. Было слышно, как за приоткрытым боковым стеклом свистит ветер. Напряжение возрастало.

У Второй Речки автомобиль-беглец был настигнут и остановлен.

Задержанный шофер на вопрос Степаненко «Куда ездил?» ответил, что возил за город случайного пассажира.

— На «шару», значит, ездили? — спросил автоинспектор.

— На «шару», — с угнетенным вздохом подтвердил шофер.

— Сколько получили?

— Полсотни дал.

— Покажите-ка деньги.

Не вступая в спор, водитель полез в карман и действительно вытащил из какого-то документа пятидесятирублевую бумажку.

Стали осматривать машину. Под сиденьем

нашли камеры. Странно: ни один водитель не станет хранить их под сиденьем. Место им в багажнике. Зато в багажнике задержанной машины оказалось какое-то пальто.

— Чьи камеры? — спросил Степаненко.

— Как — чьи? Мои, конечно.

— А пальто?

— Пальто — тоже.

Степаненко взял пальто и смерил взглядом фигуру шофера.

— Попробуйте-ка надеть его, — предложил он.

Водитель с неохотой натянул пальто. Как и предполагал Степаненко, оно оказалось ему до пят.

— Оно вам не кажется коротковатым? — с иронией спросил инспектор. — Нет? И мне тоже. Ну ладно, потом разберемся.

Степаненко сам сел за руль, и обе машины возвратились на Седанку к оставленной «Победе». Стали осматривать ее. В это время на шоссе показались две фигуры. Слегка покачиваясь и издавая пьяное бормотание, два человека приблизились к машинам. В одном из них Степаненко сразу узнал того, которого он чуть не задержал.

— Куда идете? — осведомился он.

— В гостях были, — ответил один из «пьяных». — Думали подъехать домой на машине, а это, оказывается, милиция.

— А ну станьте-ка сюда, — указал автоинспектор и включил фары.

Вид их никак не походил на людей, побывавших в гостях. Репейник на брюках, мокрые ботинки... Освещенные фарами

«пьяные» сразу протрезвели. Один из них попытался что-то незаметно выбросить. Этим «что-то» оказался ключ от угнанного автомобиля.

Преступники, украв машину, хотели, как говорят шоферы, «раздеть» ее. Первый шофер ожидал, когда воры подгонят украденный автомобиль. Милицейскую машину он принял за угнанную «Победу», почему и поехал следом за ней. Увидев свою ошибку, шофер-преступник развернулся и поехал в другую сторону, что и привлекло внимание Степаненко.

Преступники все же встретились и приступили к делу, но приезд милицейской машины помешал им. Один из них, тот, которого позднее догнали на Второй Речке, раньше других заметил опасность, дал газ и уехал. Двое других бросились бежать и, сделав большой круг, вернулись на место действия, чтобы узнать, что работники милиции станут делать с угнанным автомобилем. Здесь они и были задержаны.

А в это время сержант милиции Анатолий Петрович Веретенников, зябко поеживаясь от заползавшей под гимнастерку ночной прохлады, обходил свой пост в районе трамвайной остановки на улице Лазо. Он уже побывал в сквере напротив кинотеатра «Комсомолец».

Мерно шагая, Веретенников дошел до улицы имени Лазо. Откуда-то вынырнули и подошли к милиционеру две крикливо одетые и густо накрашенные молодые особы. Они стали браниться.

— Пока ты ходишь тут, такой-сякой,— кричали они,— нас ограбили. Никогда вас нет там, где нужно!

— Где и когда вас ограбили? — забеспокоился сержант.

— У кинотеатра «Комсомолец». Иди быстрей туда, может, поймаешь.

Веретенников несколько минут назад побывал у кинотеатра, там все было спокойно. Кроме того, женщины не походили на потерпевших. На руке одной — часы, другая держит сумочку. Одежда обеих в полном порядке.

Сержант понял, что его хотят отвлечь. Успокаивая молодых женщин, он бросал вокруг настороженные взгляды. Неожиданно Веретенников увидел, как из подъезда управления связи выбежали трое, следом за ними — четвертый. Трое побежали вдоль по Ленинской, а четвертый направился к Веретенникову. Тихо, почти шепотом, он произнес:

— Ограбили меня. Вон те трое, что побежали. Помоги, сержант.

«Что за наваждение,— мелькнула у Веретенникова мысль.— Вот стоят две «ограбленные», теперь еще один. Сплошные грабежи на моем посту!»

Но если в первом случае он был убежден, что ему морочат голову, то растерянный вид подбежавшего гражданина говорил о том, что с ним действительно что-то произошло. Милиционер бросился за убегавшими. Следом за ним побежали два грузчика, выгружавшие у магазина хлеб из машины.

Грабители свернули на улицу Первого мая. Один побежал вверх, а двое других юркнули во двор гаража. Веретенников принял решение преследовать двоих. Он поставил грузчиков у выхода из гаража, чтобы преступники не могли выскочить обратно, а сам побежал во двор. К этому времени подоспел потерпевший.

«Где они могли спрятаться», — лихорадочно соображал Веретенников. Окинув взглядом двор со стоявшими в нем машинами, сержант увидел чернеющий вход в подвальное помещение. «Может, сюда?» — подумал он и, коротко бросив потерпевшему «идемте», передернул затвор пистолета. Освещая путь карманным фонариком, Веретенников стал спускаться в подвал. Луч фонаря скользнул по стене, и сержант увидел черную коробочку выключателя. Легкий щелчок — и подвал залился электрическим светом.

У одной из стен Веретенников увидел человека, лежавшего на земле и навалившего на себя старую койку.

— Вставайте, гражданин, — приказал он.

Грабитель молча отбросил койку, встал и, чувствуя за своей спиной оружие, покорно стал подниматься по ступеням.

Во дворе Веретенников указал на освещенное место:

— Ложись здесь. Лицом вниз. Бежать не пытайся.

Надо искать второго. И тут сержант услышал знакомый голос:

— Что там у тебя, Веретенников? Может, помощь нужна?

Это был милиционер ведомственного отделения старшина Горшков.

Веретенников обрадовался. Теперь будет легче. Поручив Горшкову задержанного, сержант пошел звонить в райотдел. Нужно было вызвать машину, людей.

— Сейчас высылаю подмогу, — ответил по телефону дежурный.

Через несколько минут к гаражу подошла машина. Из нее вышли старшие сержанты милиции Кислица, Жабин, Ракитин и сержант милиции Ткачук.

Вместе с ними Веретенников стал обыскивать каждый уголок двора. Вскоре нашли и второго грабителя. Забравшись под машину, он пристроился там на карданном валу. Когда его вытащили, он, сделав недовольную мину, стал возмущаться, что ему помешали спать. Несмотря на серьезность момента, милиционеры дружно расхохотались.

Наказав Горшкову никого не подпускать к машине, под которой был найден второй преступник, Веретенников пошел на пост, а прибывшие милиционеры повели задержанных к своему автомобилю.

Задержанный в подвале, схватив толстый железный прут, набросился на стоявшего к нему поближе старшего сержанта Жабина. Размахнувшись, преступник хотел ударить милиционера прутом по голове. Спасло Жабина только то, что он вовремя подставил руку под локоть грабителя, и ослабленный удар пришелся по плечу. Преступнику скрутили руки и посадили в машину.

Ранним утром под машиной, где прятался

второй грабитель, нашли деньги и золотые часы, отобранные у гражданина. Разыскать третьего грабителя не составляло труда.

Ночь подходит к концу. Погасли уличные фонари. Робкий луч солнца лизнул макушку сопки, скользнул по крыше дома, мокрой от росы, и вдруг весело ударил в глаза первым прохожим.

Город просыпался. Задорно лязгая буферами, прогромыхал трамвай. В беспрерывном потоке грузовых автомобилей все чаще попадались солидные «Победы», стремительные «Волги» и юркие «Москвичи». Тротуары заполнялись торопливыми пешеходами.

Сменяются на постах милиционеры. Дежурные подписывают рапорты. Они сегодня будут короткими: «Преступления раскрыты. Преступники задержаны. Материалы переданы следователям. Других особых происшествий за время дежурства не было».

ПРОИСШЕСТВИЙ НЕ БЫЛО

Зимний вечер глядит на землю голубоватыми глазами. Дежурство только начинается. Быстро редеет поток прохожих. Их вбирают в себя торопливые трамваи. Призывно мерцает рубиновый огонек такси, издали напоминающий светлячка. С грохотом опускаются железные шторы магазинов. То тут, то там показывается одетый в длинный тулуп сторож.

Старшина неторопливо прохаживается у обочины мостовой. Под валенками чуть слышно скрипит снег. Откуда-то с залива настойчиво тянет холодным ветерком. Он еще не успел пробраться под полушубок.

Старшина обходит пост. Не мешая привычному чувству настороженности, текут неторопливые мысли. Дома уже давно поужинали. Жена уложила детей. Сейчас она шьет какую-нибудь рубашонку, прислушиваясь к спокойному дыханию Вовки и тихому посапыванию Танюшки, которая спит в в обнимку со своей любимой куклой. Тикает будильник. От затемненной абажуром лам-

пы на шитье падает мягкий свет. Быстро-быстро движется игла в ловких, умелых руках жены. Трудно ей вот так десятый год подряд засыпать с мыслью: не случилось ли чего с ним? Она, конечно, не жалуется. «Знала, — говорит, — за кого шла». Но по тому, как каждый раз с облегчением встречает его со смены, старшина понимает: беспокоилась.

Что ж, основания для беспокойства есть. Два года назад после столкновения с грабителями старшина вернулся домой с забинтованной головой.

Старшина идет быстрее: холод дает себя знать. Надо сходить к отдаленному магазину. Сегодня его сторожит Федор Кузьмич, маленький, седоусый, не в меру сонливый старичок. Стараясь ступать как можно тише, старшина приближается к сгорбившейся на крыльце с головой завернутой в тулуп фигуре сторожа. Так и есть — спит!

Старшина подходит вплотную и неожиданно громко говорит:

— Воры! Воры, дядя Федя!

— Ась? Чего?

Сторож вскакивает и сует в рот свисток. Старшина смеется, но тут же голос его делается строгим:

— Что ж ты это, Федор Кузьмич? Разве так сторожат? Этак не то что магазин обворуют, а и тебя самого украдут. Непорядок.

— Да я только придремал чуток, — смущенно оправдывается сторож. — Я ж не спал и все слышал.

— И дремать не положено, — еще строже говорит старшина. — Смотри, я еще проверю.

Глядя на его удаляющуюся спину, сторож в сердцах думает: «Вот попался на мою голову! Никакого спокою нет».

Ветер усиливается, обжигает лицо. По мостовой метет поземка. Старшина на ходу яростно трет щеки и нос. Вдруг он останавливается. Из подворотни доносятся неясные звуки, словно кто-то стонет. Сняв рукавицу и привычно тронув кобуру пистолета, старшина делает несколько шагов в темноту. И тут же улыбается: ложная тревога. В подворотне, дрожа от холода, тихо скулит большой лохматый щенок.

Старшина присматривается к редким прохожим, провожает взглядом проносящиеся автомобили. Трамваи уже не ходят. На темном небе равнодушно мигают звезды. Где-то там, в черной пустоте, с непостижимой уму скоростью несется искусственная планета с гербом СССР. Старшина вспоминает недавнюю политинформацию. «Эту планету, — говорил командир взвода, — создали наши советские люди, те, чей труд вы охраняете, чей покой бережете». «Да, — думает старшина, — таких людей стоит охранять!»

Проходит час за часом. Ноги наливаются усталостью, тяжелеют. Их все труднее передвигать. Хочется хоть на несколько минут присесть, отдаться сладкой дреме. Но нельзя. Может быть где-то сейчас вот в эту секунду понадобится его помощь. И старшина идет, идет...

Сдавая смену, он говорит новому постовому:

— Сегодня дядя Федя сторожит. Присмотри.

Тот кивает головой в ответ.

В отделе старшина докладывает дежурному, что происшествий во время дежурства не было.

РОЖДЕННЫЕ НАРОДОМ

Народу в трамвае было немного. Часы пик кончились, и на остановках, где обычно бывает людно, в вагон входили два-три человека. На одной из остановок на площадку вскочил неряшливо одетый парень, лет двадцати, с неестественным румянцем на лице и затуманенным взглядом. Трамвай резко тронулся с места. Парень покачнулся и, ухватившись за металлическую стойку, чтобы не упасть, разразился нецензурной бранью. Заметив сидевшую неподалеку пожилую женщину, он, видимо, немного смутился и, как бы оправдываясь, нетвердо произнес:

— Ч-черт его знает, как они трогают, сапожники!

— Возьмите билет, молодой человек, — обратилась к новому пассажиру кондуктор.

— Сначала научитесь возить, а потом деньги требуйте, — грубо ответил парень. — Сегодня я еду бесплатно.

— Тогда я остановлю вагон и высажу вас.

— Ты? Меня?! Ах, ты...

И снова в воздухе повисла грязная ругань. Пассажиры до глубины души были возмущены поведением сквернослова.

В этом вагоне ехало трое таких же молодых, как и он, ребят. Один из них решительно шагнул к хулигану. Двое других двинулись следом.

— Ты чего, милейший, геройствуешь? — прозвучал насмешливый вопрос.

— А ты кто, чтобы мне указывать? Милиция? Да?

Он, видимо, хотел добавить еще что-то, но, заметив, что перед ним не один, а трое, испуганно осекся и заюлил:

— Ну чего вы пристаете, ребята? Я ничего... я...

— Видим, что ты. Сойдешь с нами на остановке.

— Дай вам бог здоровья, ребятки, — неожиданно сказала пожилая женщина. — Слушать этого пакостника совестно.

— Правильно, — зашумели пассажиры.

Когда вышли из вагона, у хулигана окончательно пропал пыл. Он стал клясться, что это у него в первый и последний раз, что больше никто никогда его не увидит таким.

— Смотри, — строго сказал один из парней. — Могли бы мы тебя и сейчас в милицию отправить. Да делаем скидку на твою глупость. Но уж если еще раз попадешься — поблажки не жди.

Эти трое были секретарь комитета комсомола Дальзавода Анатолий Булыгин и секретари цеховых комсомольских организаций Сергей Очкал и Анатолий Старовойтов. Не-

которое время они шли молча. Каждый размышлял о случившемся. Около дома Булыгина остановились.

— Шел я, ребята, и думал, — тихо, с расстановкой проговорил Анатолий, — надо сделать так, чтобы подобных явлений не было.

— Что ты предлагаешь? — спросил Сергей.

— А вот давайте и поговорим в комитете.

В небольшой комнате комитета комсомола собрались секретари почти всех цеховых комсомольских организаций. Думали, спорили, вносили предложения.

Наконец остановились на мысли создать единый отряд по охране общественного порядка. Как назвать его? Булыгин предложил именовать отряд комсомольско-молодежной милицией. Такое же мнение высказал комсорг цеха Юрий Родионов.

Решили посоветоваться с партийным комитетом завода. Партком поддержал. Мысль о создании «собственной» милиции пришлась по душе комсомольцам всех цехов.

— Дельное придумал наш комитет, — говорили многие. — Давно пора разделаться с хулиганьем.

В цехах состоялись комсомольские собрания. На повестке дня стоял один вопрос — о создании на заводе отряда комсомольско-молодежной милиции. Здесь же проходила запись добровольцев. Всё новые имена появлялись в списке членов будущего отряда: Геннадий Ручнов, Владимир Сыров — пятнадцатый цех... Владимир Выхрыстюк, Евгений Шевченко — сорок второй цех... Людмила Чулкова, Нина Облицова.

Все шло хорошо до тех пор, пока не подошли к необходимости облечь как-то начавшееся движение в конкретные формы. В любом новом деле возникает множество вопросов, и здесь они тоже возникали на каждом шагу. Комитетчики, члены штаба отряда набрасывались на каждую заметку в газетах о работе общественности в других городах. Но и там не находили ответов. В газетах больше писали о результатах, а им хотелось знать о том, как организовать работу. И как бы в ответ на эти мысли прозвучали слова Никиты Сергеевича Хрущева на внеочередном XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза: «Дело идет к тому, чтобы функции обеспечения общественного порядка и безопасности наряду с такими государственными учреждениями, как милиция, суды, выполняли параллельно и общественные организации... Социалистическое общество создает такие добровольные органы обеспечения общественного порядка, как народная милиция, товарищеские суды и подобные им органы. Они будут по-новому работать, по-новому выполнять общественные функции. Добровольные отряды народной милиции должны взять на себя обеспечение общественного порядка в своих населенных пунктах, следить за тем, чтобы соблюдались и охранялись права и интересы всех граждан...

...Когда... сама общественность выделит людей для обеспечения общественного порядка, тогда гораздо легче будет бороться с нарушителями».

Эти слова, произнесенные от имени пар-

тии Первым секретарем ее ЦК, показали комсомольцам Дальзавода, что они идут по верному пути. Уже не только комитет комсомола и штаб отряда призывали комсомольцев к борьбе с нарушителями общественного порядка, но и сами комсомольцы торопили комитет и штаб. То и дело звучало «когда?» Этот вопрос задавали секретари цеховых комсомольских организаций, молодые рабочие. А однажды произошел такой телефонный разговор:

— Это слесарь Косыгин говорит. Я сейчас в больнице лежу, так вы смотрите, не вздумайте меня из списков вычеркнуть. Когда выходить-то будем?

Выходить... Этого требовали многие. И в отряде шли последние приготовления. Выход, назначенный на 1 марта, задержался все из-за тех же «оргвопросов». А третьего марта по радио передали постановление партии и правительства об участии трудящихся в охране общественного порядка.

Партийный комитет Дальзавода создал инициативную группу по организации добровольной народной дружины. В цехах прошли собрания, на которых более ста рабочих получили рекомендации на право быть дружинниками. Дружину разбили на отряды, закрепили за ними территорию, выделили помещения. В штаб дружины вошли лучшие из лучших — коммунисты, комсомольцы, активисты, передовики производства. Такова краткая история возникновения народной дружины на крупнейшем предприятии Владивостока. Лишь в деталях отличается она

от истории создания таких же дружин на других предприятиях.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР всколыхнуло инициативу масс, дало им в руки могучее оружие. Но высокое право пользоваться им народ доверяет лишь достойным, тем, кто стремится жить и работать по-коммунистически.

...Комсомольское собрание во Владивостокском торговом порту. Обсуждаются заявления тех, кто решил стать дружинниками. Председатель собрания зачитывает заявление грузчика Бориса Рябия.

— Будем обсуждать? — спрашивает председатель.

— Нет, не нужно, — шумят комсомольцы, — знаем Рябия. Настоящий комсомолец, работает хорошо и член штаба общественности.

«Достоин» — таково решение собрания. И Борис Рябий получает рекомендацию. То же самое и в отношении грузчика Владимира Запоранюка. Он тоже хороший производственник, непримиримо относится к хулиганам.

А вот когда председатель зачитывает заявление грузчика А., в зале воцаряется молчание. Тишину нарушает чей-то строгий, немного удивленный голос:

— Какой из него дружинник? Он же выпивает!

И комсомольцы не рекомендуют А. в народную дружину. Их члены должны быть образцом высокой морали, чтобы иметь пра-

во говорить и действовать от имени всех советских людей.

Не дает собрание рекомендации и комсомольцу К., недостойно ведущему себя в быту.

Комсомолец Максимов недавно работает в порту. Когда зачитывают его заявление о приеме в дружину, из зала раздается:

— Пусть выступит, расскажет о себе!

К столу выходит невысокий коренастый паренек с простым, открытым лицом и прямым взглядом слегка прищуренных глаз.

— Пришел я из армии, — волнуясь говорит он. — На службе был отличником боевой и политической подготовки. Награжден грамотой крайкома комсомола. Что еще сказать? Обещаю работать и бороться с хулиганами так, как служил в армии...

На вопрос председателя, можно ли дать комсомольцу Максимову рекомендацию для вступления в дружину, собрание отвечает утвердительно.

...В партийные и комсомольские бюро, профсоюзные комитеты предприятий Сучана, Уссурийска, Спасска, всего края поступают листки со словами: «Прошу принять меня в члены добровольной народной дружины...»

Движение, рожденное народом, начало крепнуть.

СОДЕРЖАНИЕ

Валерий Семенович Куцый
Павел Федосеевич Марченко

ЛЮДИ В СИНИХ ШИНЕЛЯХ

* * *

Приморское книжное издательство
Редактор **Л. Зельцман**
Обл. художника **Э. Ахмадеева**
Художественный редактор **М. Филиппов**
Техн. редактор **Л. Бутова**
Корректоры **Л. Калашников** и **И. Здорова**

* * *

ВД 04020. Сдано в набор 22.IV-59 г.
Подписано к печати 24.VI-59 г.
Формат 70×92/32=4,88 физ. п л.,
5,71 усл. печ. л. (5,1 уч.-изд. л.)
Тираж 45 000. Цена 3 руб.

* *

Типография № 1 Крайполиграфиздата,
Владивосток, Ленинская, 43 Заказ 1061